



# Федор Иванович Тютчев

## Избранные стихи

*Сканировал, проверил и составил подборку Илья Франк  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=125914](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125914)*

### **Аннотация**

Избранные стихотворения Тютчева (с комментариями).  
Сканировал, проверил и составил подборку Илья Франк  
для проекта Русская Европа [www.russianeurope.ru](http://www.russianeurope.ru).  
Примечания А.А. Николаева

# Содержание

ПРОБЛЕСК	10
ВЕЧЕР	13
ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА	14
МОГИЛА НАПОЛЕОНА	16
САСНЕ-САСНЕ	18
ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР	20
ВИДЕНИЕ	21
БЕССОННИЦА	22
УТРО В ГОРАХ	24
СНЕЖНЫЕ ГОРЫ	25
ПОЛДЕНЬ	26
СНЫ	27
* * *	28
ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ	30
БЕЗУМИЕ	31
* * *	33
СТРАННИК	34
УСПОКОЕНИЕ	35
* * *	36
ЦИЦЕРОН	37
ВЕСЕННИЕ ВОДЫ	39
SILENTIUM!	40
СОН НА МОРЕ	41

КОНЬ МОРСКОЙ

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

АЛЬПЫ

МАЛА АРИА

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

ФОНТАН

43

45

46

48

49

50

51

53

55

56

57

58

59

61

62

63

64

66

67

69

70

72

73

74

75

77

* * *	78
* * *	79
* * *	83
* * *	85
* * *	86
* * *	87
* * *	88
29-е ЯНВАРЯ 1837	90
1-е ДЕКАБРЯ 1837	92
ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA	93
* * *	95
* * *	97
ВЕСНА	98
ЛЕБЕДЬ	100
* * *	102
ДЕНЬ И НОЧЬ	104
* * *	105
* * *	107
* * *	109
РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ	111
* * *	112
* * *	113
* * *	115
* * *	117
* * *	118
* * *	119

* * *	120
* * *	122
ПОЭЗИЯ	123
* * *	124
РИМ, НОЧЬЮ	126
* * *	127
* * *	128
НА НЕВЕ	130
* * *	132
* * *	133
* * *	134
* * *	135
ДВА ГОЛОСА	136
* * *	138
ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ	139
БЛИЗНЕЦЫ	140
* * *	141
* * *	143
* * *	144
* * *	145
* * *	146
(Э. Ф. ТЮТЧЕВОЙ)	148
ПЕРВЫЙ ЛИСТ	150
* * *	151
НАШ ВЕК	153
* * *	154

* * *	155
* * *	156
* * *	157
* * *	158
* * *	159
* * *	161
* * *	162
ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ	163
ЛЕТО 1854	164
* * *	166
* * *	167
* * *	168
* * *	169
* * *	171
(ИЗ МИКЕЛАНДЖЕЛО)	173
Н(ИКОЛАЮ) П(АВЛОВИЧУ)	175
* * *	176
* * *	177
Н. Ф. ЩЕРБИНЕ	178
* * *	179
* * *	180
* * *	181
* * *	182
* * *	184
* * *	186
НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ	187

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО	189
* * *	190
* * *	191
* * *	192
* * *	194
* * *	196
* * *	197
* * *	199
* * *	200
* * *	202
* * *	204
* * *	205
НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864	207
Г.	
* * *	208
* * *	209
* * *	210
* * *	211
* * *	213
* * *	215
* * *	216
* * *	217
ПОЖАРЫ	218
* * *	220
* * *	221
* * *	222

\*\*\*

224

К. Б.

225

\*\*\*

227

\*\*\*

229

\*\*\*

230

(Э. Ф. ТЮТЧЕВОЙ)

232

# Федор Тютчев. Избранные стихотворения

## ПРОБЛЕСК

### *Слышал ли в сумраке глубоком*

Слышал ли в сумраке глубоком  
Воздушной арфы легкий звон,  
Когда полночь, ненароком,  
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,  
То замирающие вдруг...  
Как бы последний ропот муки,  
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое Зефира  
Взрывает скорбь в ее струнах...  
Ты скажешь: ангельская лира  
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга

Душой к бессмертному летим!  
Минувшее, как призрак друга,  
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живую,  
Как сердцу радостно, светло!  
Как бы эфирною струею  
По жилам небо протекло!

Но, ах! не нам его судили;  
Мы в небе скоро устаем, —  
И не дано ничтожной пыли  
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным  
Прервем на час волшебный сон  
И взором трепетным и смутным,  
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченную главою,  
Одним лучом ослеплены,  
Вновь упадаем не к покою,  
Но в утомительные сны.

(1825)

*Написанное в первые годы пребывания за границей, ст-ние исполнено чувства тоски по родине, по юным годам, проведенным в литературном кружке С. Е. Раича. Воздушная арфа (или Эолова арфа) –*

*музыкальный инструмент в виде ящика, в котором натянуты струны, звучащие от движения воздуха. Такая арфа имелась в доме С. Е. Раича в Москве на Серединке, за Сухаревой башней (см.: Дмитриев М. Воспоминания о Раиче//МВ. 1855, 24 нояб.). Воздушная арфа упоминается, по-видимому, и в ст-нии «Саше-саше» (№ 38). По небесах – от старослав. «по небесѣхъ», т. е. по небесам.*

# ВЕЧЕР

## *Как тихо веет над долиной*

Как тихо веет над долиной  
Далекий колокольный звон,  
Как шум от стаи журавлиной, —  
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,  
Светлея, не колыхнет день, —  
И торопливей, молчаливей  
Ложится по долине тень.

*Около 1826; (1829)*

*Шум от стаи журавлиной — выражение, заимствованное из баллады В. А. Жуковского «Ивиковы журавли».*

# ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

## *Люблю грозу в начале мая*

Люблю грозу в начале мая,  
Когда весенний, первый гром,  
Как бы резвяся и играя,  
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,  
Вот дождик брызнул, пыль летит,  
Повисли перлы дождевые,  
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,  
В лесу не молкнет птичий гам,  
И гам лесной, и шум нагорный —  
Всё вторит весело гродам.

Ты скажешь: ветренная Геба,  
Кормя Зевесова орла,  
Громокипящий кубок с неба,  
Смеясь, на землю пролила.

*(1828), начало 1850-х годов*

*Геба (греч. миф.) – богиня вечной юности, разносившая богам нектар. Зевесов орел. Орел был символом*

*верховного бога Зевса.*

# МОГИЛА НАПОЛЕОНА

## *Душой весны природа ожила*

Душой весны природа ожила,  
И блещет всё в торжественном покое:  
Лазурь небес, и море голубое,  
И дивная гробница, и скала!  
Древа кругом покрылись новым цветом,  
И тени их, средь общей тишины,  
Чуть зыблются дыханием волны  
На мраморе, весною разогретом...

Еще гремит твоих побед  
Отзывный гул в колеблющемся мире...

.....

.....

И ум людей твоею тенью полн,  
А тень твоя, скитаясь в крае диком,  
Чужда всему, внимая шуму волн,  
И тешится морских пернатых криком.

(1828)

*С ценз. пропуском ст. 11 – 12, обозначенных точками – С-5, без обозначения пропуска. В позднейшей ред. С строфа 2 стала синтаксически несогласованной: возникло противоречие между*

риторической вопросительностью ст. 9 и повествовательностью соединенного с ним (союзом «и») ст. 10. В результате в значительной степени стерлось противопоставление: «ум людей твоею тенью полн, а тень твоя... чужда всему». На тексте С явно сказалось то, что он правился спустя четверть века после написания ст-ния. Если в конце 1820-х гг еще явственно ощущался «отзывный гул» наполеоновских побед и «тень» Наполеона была еще политической силой, то в 1854 г., когда прах его уже 14-й год покоился не на острове Св. Елены, а в Париже, от всего этого остался только исторический гул. В связи с этим во второй ред. непосредственное обращение к Наполеону было устранено. Перун – здесь: молния.

# CACHE-CACHE

## *Вот арфа ее в обычайном углу*

Вот арфа ее в обычайном углу,  
Гвоздики и розы стоят у окна,  
Полуденный луч задремал на полу:  
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,  
Где, где приютилась сильфида моя?  
Волшебную близость, как благодать,  
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,  
Недаром, о розы, на ваших листах  
Жарчее румянец, свежей аромат:  
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне слышался звон?  
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?  
Металл содрогнулся, тобой оживлен,  
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,  
Как искры живые в родимом огне!  
Видал я сей пламень в знакомых очах,

Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,  
Притворно-беспечный, он начал порхать.  
О, полно кружиться, мой гость дорогой!  
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

(1828)

*Ст-ние является переложением ст-ния Л. Уланда «Nдhe» («Близость», 1809). Сильфиды (герм, миф.) – духи воздуха, легкие, подвижные существа.*

# ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

## *Уж солнца раскаленный шар*

Уж солнца раскаленный шар  
С главы своей земля скатила,  
И мирный вечера пожар  
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли  
И тяготеющий над нами  
Небесный свод приподняли  
Своими влажными главами.

Река воздушная полней  
Течет меж небом и землею,  
Грудь дышит легче и вольней,  
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,  
По жилам пробежал природы,  
Как бы горячих ног ея  
Коснулись ключевые воды.

(1828)

*Начало ст-ния перекликается с началом 7-го сонета  
В. Шекспира.*

# ВИДЕНИЕ

## *Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья*

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,  
И в оный час явлений и чудес  
Живая колесница мирозданья  
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,  
Беспамятство, как Атлас, давит сушу...  
Лишь музы девственную душу  
В пророческих тревожат боги снах!

(1829)

*Атлас, или Атлант (греч. миф.) – гигант, держащий на своих плечах небесный свод. Живая колесница мирозданья – планета Земля (античная перифраза, свойственная и поэтике классицизма; ср. «колесница дня» – солнце, «колесница ночи» – луна).*

# БЕССОННИЦА

## *Часов однообразный бой*

Часов однообразный бой,  
Томительная ночи повесть!  
Язык для всех равно чужой  
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,  
Среди всемирного молчанья,  
Глухие времени стенанья,  
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый  
Неотразимый Рок настиг —  
И мы, в борьбе, природой целой  
Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,  
Как призрак на краю земли,  
И с нашим веком и друзьями  
Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя  
Меж тем на солнце расцвело,  
А нас, друзья, и наше время

Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный  
Свершая в полуночный час,  
Металла голос погребальный  
Порой оплакивает нас!

(1829)

# УТРО В ГОРАХ

## Лазурь небесная смеется

Лазурь небесная смеется,  
Ночной омытая грозой,  
И между гор росисто вьется  
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины  
Туманы покрывают скат,  
Как бы воздушные руины  
Волшебством созданных палат.

(1829)

*Написано в г. Зальцбурге (Австрия), где Тютчев был,  
видимо, в янв. 1828 г. по пути в Тироль.*

# СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

## *Уже полдневная пора*

Уже полдневная пора  
Палит отвесными лучами, —  
И задымилась гора  
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,  
Синеют озера струи  
И с камней, блещущих на зное,  
В родную глубь спешат ручьи...

И между тем как полусонный  
Наш дольний мир, лишенный сил,  
Проникнут негой благовонной,  
Во мгле полуденной почил, —

Горй, как божества родные,  
Над издыхающей землей,  
Играют выси ледяные  
С лазурью неба огневой.

(1829)

*Написано в г. Зальцбурге, где находятся гора и озеро  
Унтерберг. Дольний – земной, человеческий.*

# ПОЛДЕНЬ

## *Лениво дышит полдень мгlistый*

Лениво дышит полдень мгlistый,  
Лениво катится река,  
В лазури пламенной и чистой  
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,  
Дремота жаркая объемлет,  
И сам теперь великий Пан  
В пещере нимф покойно дремлет.

(1829)

*«Великий Пан В пещере нимф покойно дремлет».*  
*Полдневный час считался священным у древних греков. В этот час отдыхал Пан – бог долин, лесов, стад и пастухов.*

# СНЫ

## Как океан объемлет шар земной

Как океан объемлет шар земной,  
Земная жизнь кругом объята снами...  
Настанет ночь – и звучными волнами  
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...  
Уж в пристани волшебный ожил челн;  
Прилив растет и быстро нас уносит  
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,  
Таинственно глядит из глубины, —  
И мы плывем, пылающею бездной  
Со всех сторон окружены.

(1829)

\* \* \*

## *Еще шумел веселый день*

Еще шумел веселый день,  
Толпами улица блистала,  
И облаков вечерних тень  
По светлым кровлям пролетала,

И доносились порой  
Все звуки жизни благодатной,—  
И всё в один сливалось строй,  
Стозвучный, шумный – и невнятный.

Весенней негой утомлен,  
Я впал в невольное забвенье...  
Не знаю, долгод ли был сон,  
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам  
И воцарилось молчанье —  
Ходили тени по стенам  
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно  
Глядело бледное светило,  
И мне казалось, что оно

Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня  
Какой-то миротворный гений  
Из пышно-золотого дня  
Увлек, незримый, в царство теней.

*(1829), 1851*

# ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

*Когда пробьет  
последний час природы*

Когда пробьет последний час природы,  
Состав частей разрушится земных:  
Всё зримое опять покроют воды,  
И Божий лик изобразится в них!

(1829)

# БЕЗУМИЕ

## *Там, где с землею обгорелой*

Там, где с землею обгорелой  
Слился, как дым, небесный свод, —  
Там в беззаботности веселой  
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,  
Зарывшись в пламенных песках,  
Оно стеклянными очами  
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом  
Припав к растреснутой земле,  
Чему-то внемлет жадным слухом  
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,  
Что слышит ток подземных вод,  
И колыбельное их пенье,  
И шумный из земли исход!.

(1829)

*Перекликается с позднейшим стихотворным обращением к А. А. Фету «Иным достался от*

*природы...». В обоих ст-ниях создан излюбленный в мистической символике образ водоискателя – человека, умеющего распознавать в безводных местах подземные источники ключевой воды. Н. Я. Берковский считает, что ст-ние полемично по отношению к Шеллингу и его последователям, в глазах которых водоискатели были «посвященные, доверенные лица самой природы».*

\* \* \*

## **Здесь, где так вяло свод небесный**

Здесь, где так вяло свод небесный  
На землю тощую глядит, —  
Здесь, погрузившись в сон железный,  
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,  
Кустарник мелкий, мох седой,  
Как лихорадочные грезы,  
Смущают мертвенный покой.

(1829)

*Написано, по-видимому, во время поездки в Париж и Рим в окт. 1829 г.*

# СТРАННИК

## *Угоден Зевсу бедный странник*

Угоден Зевсу бедный странник,  
Над ним святой его покров!..  
Домашних очагов изгнанник,  
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук созданье,  
С разнообразием своим,  
Лежит, развитый перед ним  
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,  
Светлея, стелется дорога, —  
Ему отверста вся земля,  
Он видит всё и славит бога!..

(1829)

*Угоден Зевсу бедный странник. Зевс был покровителем странников.*

# УСПОКОЕНИЕ

## *Гроза прошла – еще курясь, лежал*

Гроза прошла – еще курясь, лежал  
Высокий дуб, перунами сраженный,  
И сизый дым с ветвей его бежал  
По зелени, грозюю освеженной.  
А уж давно, звучнее и полней,  
Пернатых песнь по роще раздалася  
И радуга концом дуги своей  
В зеленые вершины уперлася.

(1829)

\* \* \*

## ***Как над горячею золой***

Как над горячею золой  
Дымится свиток и сгорает  
И огонь сокрытый и глухой  
Слова и строки пожирает —

Так грустно тлится жизнь моя  
И с каждым днем уходит дымом,  
Так постепенно гасну я  
В однообразье нестерпимом!..

О Небо, если бы хоть раз  
Сей пламень развился по воле —  
И, не томясь, не мучась доле,  
Я просиял бы – и погас!

*(1829), начало 1830-х годов*

# ЦИЦЕРОН

## *Оратор римский говорил*

Оратор римский говорил  
Средь бурь гражданских и тревоги:  
«Я поздно встал – и на дороге  
Застигнут ночью Рима был!»  
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,  
С Капитолийской высоты  
Во всем величье видел ты  
Закат звезды ее кровавый!..

Счастлив, кто посетил сей мир  
В его минуты роковые!  
Его призвали всеблагие  
Как собеседника на пир.  
Он их высоких зрелищ зритель,  
Он в их совет допущен был —  
И заживо, как небожитель,  
Из чаши их бессмертье пил!

*(1829); начало 1830-х годов*

*«Я поздно встал и на дороге Застигнут ночью Рима был!» – перефразировка слов Цицерона: «... мне горько, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и что ночь республики наступила прежде,*

чем я успел завершить свой путь» (Цицерон М. Т. Брут, или О знаменитых ораторах / Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 327). Капитолийская высота – главный из семи холмов, на которых расположен Рим; здесь находилась цитадель города и центр его политической жизни. Закат звезды ее кровавый! Речь идет о гибели потопленной в крови гражданской войны 48 – 45 гг. до н. э. римской аристократической республики, идеологом которой был Цицерон. Результатом этой войны было установление диктатуры Юлия Цезаря. Мотив 2-й строфы стихотворения заимствован из стихотворения Шиллера «Боги Греции». Всеблагие – боги.

# ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

## *Еще в полях белеет снег*

Еще в полях белеет снег,  
А воды уж весной шумят —  
Бегут и будят сонный брег,  
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:  
«Весна идет, весна идет,  
Мы молодой весны гонцы,  
Она нас выслала вперед!

Весна идет, весна идет,  
И тихих, теплых майских дней  
Румяный, светлый хоровод  
Толпится весело за ней!..»

*(1829), начало 1830-х годов*

*Возможно, написано под впечатлением от шествия  
«майской невесты» (Pfungstbraut; обряд на юге  
Баварии).*

# SILENTIUM!

## *Молчи, скрывайся и таи*

Молчи, скрывайся и таи  
И чувства и мечты свои —  
Пускай в душевной глубине  
Встают и заходят оне  
Безмолвно, как звезды в ночи,  
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?  
Другому как понять тебя?  
Поймет ли он, чем ты живешь?  
Мысль изреченная есть ложь.  
Взрывая, возмутишь ключи, —  
Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —  
Есть целый мир в душе твоей  
Таинственно-волшебных дум;  
Их оглушит наружный шум,  
Дневные разгонят лучи, —  
Внимай их пенью – и молчи!..

*(1829), начало 1830-х годов*

# СОН НА МОРЕ

## *И море, и буря качали наш челн*

И море, и буря качали наш челн;  
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.  
Две беспредельности были во мне,  
И мной своевольно играли оне.  
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,  
Окликались ветры и пели валы.  
Я в хаосе звуков лежал оглушен,  
Но над хаосом звуков носился мой сон.  
Болезненно-яркий, волшебнo-немой,  
Он веял легко над гремящею тьмой.  
В лучах огневицы развил он свой мир —  
Земля зеленела, светился эфир,  
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,  
И сонмы кипели безмолвной толпы.  
Я много узнал мне неведомых лиц,  
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,  
По высям творенья, как Бог, я шагал,  
И мир подо мною недвижимый сиял.  
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,  
Мне слышался грохот пучины морской,  
И в тихую область видений и снов  
Врывалась пена ревуших валов.

(1830)

Один из литературных источников «Сна на море» –  
ст-ние Ф. Н. Глинки «Сон» (1820). Огневица (диалект.)  
– бред, горячка. Сады-лабиринфы (лабиринты) – сады  
с затейливым, путаным расположением дорожек.

# КОНЬ МОРСКОЙ

## ***О рьяный конь, о конь морской***

О рьяный конь, о конь морской,  
С бледно-зеленой гривой,  
То смиренный-ласково-ручной,  
То бешено-игривый!  
Ты буйным вихрем вскормлен был  
В широком Божьем поле,  
Тебя он прядать научил,  
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,  
В своей надменной силе,  
Густую гриву растрепав  
И весь в пару и мыле,  
К брегам направив бурный бег,  
С веселым ржаньем мчишься,  
Копыта кинешь в звонкий брег —  
И в брызги разлетишься!..

(1830)

*В Соч. 1900 помещено среди переводов, однако иностранный источник стихотворения не установлен. Образ волны — «морского коня» создан, по-видимому, не без влияния аналогичного образа у Байрона*

(«Паломничество Чайльд Гарольда», песнь 3, строфа 2).

\* \* \*

## ***Душа хотела б быть звездой***

Душа хотела б быть звездой,  
Но не тогда, как с неба полночи  
Сии светила, как живые очи,  
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом  
Палящих солнечных лучей,  
Они, как божества, горят светлей  
В эфире чистом и незримом.

(1830)

\* \* \*

## ***Через ливонские я проезжал поля***

Через ливонские я проезжал поля,  
Вокруг меня всё было так уныло...  
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —  
Всё нб душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли  
Кровавую и мрачную ту пору,  
Когда сыны ее, простертые в пыли,  
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,  
И на тебя, прибрежная дуброва,  
«Вы, – мыслил я, – пришли издалека,  
Вы, сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось  
Дойти до нас с берегов другого света.  
О, если б про него хоть на один вопрос  
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит

С улыбкою двусмысленной и тайной, —  
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,  
Про них и днем молчание хранит.

*Начало октября 1830*

*Написано на обратном пути из Петербурга за границу в окт. 1830 г. Ливонские... поля. Ливонией в средние века называлась территория Латвии и Эстонии. Кровавую и мрачную ту пору. В 1202—1562 гг. Ливония находилась под владычеством духовно-рыцарского Ордена меченосцев. Пустынная река — Западная Двина. Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный, Про них и днем молчание хранит. Тютчев сравнивает природу, скрывающую свое прошлое, с библейским отроком Самуилом (1-я кн. Царств, гл. 3-я), который боялся объявить, что ему ночью было видение Бога.*

\* \* \*

## ***Песок сыпучий по колени...***

Песок сыпучий по колени...  
Мы едем – поздно – меркнет день,  
И сосен, по дороге, тени  
Уже в одну слилися тень.  
Черней и чаще бор глубокий —  
Какие грустные места!  
Ночь хмурая, как зверь стоокий,  
Глядит из каждого куста!

*Октябрь 1830*

*Написано на обратном пути из Петербурга в Мюнхен в окт. 1830 г. Ночь хмурая, как зверь стоокий, Глядит из каждого куста! Вариация двух ст. из ст-ния И.-В. Гете «Willkoramen und Abschied» («Свидание и разлука»).*

# ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

## *Есть в светлости осенних вечеров*

Есть в светлости осенних вечеров  
Умильная, таинственная прелесть!..  
Зловещий блеск и пестрота деревьев,  
Багряных листьев томный, легкий шелест,  
Туманная и тихая лазурь  
Над грустно-сиротеющей землей  
И, как предчувствие сходящих бурь,  
Порывистый, холодный ветер порою,  
Ущерб, изнеможенье – и на всем  
Та кроткая улыбка увяданья,  
Что в существе разумном мы зовем  
Божественной стыдливостью страданья!

*Октябрь 1830*

# АЛЬПЫ

## *Сквозь лазурный сумрак ночи*

Сквозь лазурный сумрак ночи  
Альпы снежные глядят;  
Помертвелые их очи  
Льдистым ужасом разят.  
Властью некой обаянны,  
До восшествия Зари  
Дремлют, грозны и туманны,  
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалеет,  
Чарам гибельным конец —  
Первый в небе просветлеет  
Брата старшего венец.  
И с главы большого брата  
На меньших бежит струя,  
И блесит в венцах из злата  
Вся воскресшая семья!..

*Октябрь? 1830*

# MALA ARIA

## *Люблю сей Божий гнев!*

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие незримо  
Во всем разлитое, таинственное Зло —  
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,  
И в радужных лучах, и в самом небе Рима!  
Всё та ж высокая, безоблачная твердь,  
Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит,  
Всё тот же теплый ветер верхи деревьев колыхает,  
Всё тот же запах роз... и это всё есть Смерть!..

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,  
Благоухания, цветы и голоса —  
Предвестники для нас последнего часа  
И усладители последней нашей муки, —  
И ими-то Судеб посланник роковой,  
Когда сынов Земли из жизни вызывает,  
Как тканью легкою, свой образ прикрывает...  
Да утаит от них приход ужасный свой!..

1830

*Mala aria – Зараженный воздух (ит.).*

*Навеяно описанием окрестностей Рима в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» (1807): «Нездоровый воздух – бич жителей Рима, он угрожает городу*

полным опустением; но именно поэтому роскошные сады, расположенные в пределах Рима, имеют еще большее значение. Коварное действие вредоносного воздуха не дает себя знать никакими внешними признаками: когда его вдыхаешь, он кажется чистым и очень приятным, земля щедра и обильна плодами, прелестная вечерняя прохлада успокаивает после дневного палящего зноя, но во всем этом таится смерть! – Меня влечет к себе, – сказал Освальд, – эта таинственная невидимая опасность, прячущаяся под сладостной личиной. Если смерть – в чем я уверен – призывает нас к более счастливому существованию, то почему бы аромату цветов, тени прекрасных деревьев, свежему дыханию вечера не быть ее вестниками? Конечно, всякое правительство должно заботиться о сохранении жизни людей; но у природы есть свои тайны, постичь которые можно лишь с помощью воображения, и я прекрасно понимаю, почему местные жители и иностранцы не бегут из Рима, хотя жить там в лучшую пору года бывает опасно» (Сталь де Ж. Коринна, или Италия. М., 1969. С. 87).

\* \* \*

## ***Ты зрел его в кругу большого Света***

1

Ты зрел его в кругу большого Света:  
То своенравно-весел, то угрюм,  
Рассеян, дик иль полон тайных дум —  
Таков поэт, – и ты презрел поэта!..  
На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,  
Он в небесах едва не изнемог, —  
Настала ночь – и, светозарный бог,  
Сияет он над усыпленной рощей!

2

В толпе людей, в нескромном шуме дня  
Порой мой взор, движенья, чувства, речи  
Твоей не смеют радоваться встрече —  
Душа моя! О, не вини меня!..  
Смотри, как днем туманисто-бело  
Чуть брезжит в небе месяц светозарный...  
Наступит ночь – и в чистое стекло  
Вольет елей душистый и янтарный!

*Начало 1830-х годов*

\* \* \*

## ***Над виноградными холмами***

Над виноградными холмами  
Плывут золотые облака.  
Внизу зелеными волнами  
Шумит померкшая река.  
Взор постепенно из долины,  
Подъемлясь, всходит к высотам  
И видит на краю вершины  
Круглообразный светлый храм.

Там, в горнем, неземном жилище,  
Где смертной жизни места нет,  
И легче, и пустынно-чище  
Струя воздушная течет,  
Туда взлетая, звук немеет...  
Лишь жизнь природы там слышна,  
И нечто праздничное веет,  
Как дней воскресных тишина.

*Начало 1830-х годов*

*Написано в г. Ротенбурге (в Баварии).*

\* \* \*

## ***Поток сгустился и тускнеет***

Поток сгустился и тускнеет,  
И прячется под твердым льдом,  
И гаснет цвет и звук немеет  
В оцепененье ледяном, —  
Лишь жизнь бессмертную ключа  
Сковать всеильный хлад не может:  
Она всё льется – и, журча,  
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,  
Убитой хладом бытия,  
Не льется юности веселой,  
Не блещет резвая струя, —  
Но подо льдистою корой  
Еще есть жизнь, еще есть ропот —  
И внятно слышится порой  
Ключа таинственного шепот!

*Начало 1830-х годов*

\* \* \*

## ***О чем ты воешь, ветер ночной?***

О чем ты воешь, ветер ночной?  
О чем так сетуешь безумно?..  
Что значит странный голос твой,  
То глухо жалобный, то шумно?  
Понятным сердцу языком  
Твердишь о непонятной муке —  
И роешь и взрываешь в нем  
Порой неистовые звуки!..

О! страшных песен сих не пой!  
Про древний хаос, про родимый  
Как жадно мир души ночной  
Внимает повести любимой!  
Из смертной рвется он груди,  
Он с беспредельным жаждет слиться!  
О! бурь заснувших не буди —  
Под ними хаос шевелится!..

*Начало 1830-х годов*

\* \* \*

## *Душа моя, Элизиум теней*

Душа моя, Элизиум теней,  
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,  
Ни помыслам години буйной сей,  
Ни радостям, ни горю не причастных, —

Душа моя, Элизиум теней,  
Что общего меж жизнью и тобою!  
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,  
И сей бесчувственной толпою?..

*Начало 1830-х годов*

*Элизиум (греч. миф.) – загробный мир, где блаженствуют тени (души) праведников.*

\* \* \*

## **Я лютеран люблю богослуженье**

Я лютеран люблю богослуженье,  
Обряд их строгий, важный и простой, —  
Сих голых стен, сей храмины пустой  
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшись в дорогу,  
В последний раз вам Вера предстоит:  
Еще она не перешла порогу,  
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,  
Еще за ней не затворилась дверь...  
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,  
В последний раз вы молитесь теперь.

*16 сентября 1834*

*Написано на озере Тегерн, находящемся неподалеку от Мюнхена. Созданный в ст-нии образ Веры, покидающей свой пустой дом (а убранство лютеранских церквей отличается строгой простотой и лишено украшений), по-видимому,*

*является эмоциональным отголоском бесед поэта с Шеллингом. «Протестантство, – писал Шеллинг, – необходимо есть нечто движущееся вперед, поскольку оно должно преодолевать противостоящие ему силы и постепенно внутренне, без всяких внешних средств преобразать их вместе с собою, превращая их в высшую будущую церковь; протестантство само по себе в такой же мере не есть церковь, как и католичество само по себе». Позднее Тютчев писал о протестантстве (в статье «Папство и римский вопрос»): «Протестантство с его многочисленными разветвлениями, которого едва хватило на три века, умирает от истощения во всех странах, где оно до сих пор господствовало...».*

\* \* \*

## **Восток белел. Ладья катилась**

Восток белел. Ладья катилась,  
Ветрило весело звучало, —  
Как опрокинутое небо,  
Под нами море трепетало...

Восток алел. Она молилась,  
С чела откинув покрывало, —  
Дышала на устах молитва,  
Во взорах небо ликovalo...

Восток вспылал. Она склонилась,  
Блестящая поникла выя,—  
И по младенческим ланитам  
Струились капли огневые...

(1835)

*Написано, по-видимому, в первые годы увлечения Э. Пфеффель (см. примеч. 134), т. е. в 1833 – 1834 гг. Ветрило – парус.*

\* \* \*

## ***Что ты клонишь над водами***

Что ты клонишь над водами,  
Ива, мбкушку свою  
И дрожащими листьями,  
Словно жадными устами,  
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет  
Каждый лист твой над струей.  
Но струя бежит и плещет,  
И, на солнце нежась, блещет,  
И смеется над тобой...

(1835)

\* \* \*

## ***И гроб опущен уж в могилу***

И гроб опущен уж в могилу,  
И всё столпилось вокруг...  
Толкутся, дышат через силу,  
Спирает грудь тлетворный дух.

И над могилою раскрытой,  
В возглавии, где гроб стоит,  
Ученый пастор сановитый  
Речь погребальную гласит.

Вещает бренность человечью,  
Грехопаденье, кровь Христа...  
И умною, пристойной речью  
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,  
Так беспредельно над землей...  
И птицы реют голосисто  
В воздушной бездне голубой...

(1835)

\* \* \*

## ***В душном воздуха молчанье***

В душном воздуха молчанье,  
Как предчувствие грозы,  
Жарче роз благоуханье,  
Резче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей  
Глухо прокатился гром;  
Небо молнией летучей  
Опясалось кругом...

Некий жизни преизбыток  
В знойном воздухе разлит!  
Как божественный напиток  
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует  
Дымку персей молодых?  
Что мутится, что тоскует  
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает  
Пламя девственных ланит?  
Что так грудь твою спирает

И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые  
Проступили две слезы...  
Иль то капли дождевые  
Зачинающей грозы?..

(1835)

\* \* \*

## ***Как сладко дремлет сад темно-зеленый***

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,  
Объятый негой ночи голубой!  
Сквозь яблони, цветами убеленной,  
Как сладко светит месяц золотой!

Таинственно, как в п.ервый день созданья,  
В бездонном небе звездный сонм горит,  
Музыки дальней слышны восклицанья,  
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса,  
Изнемогло движенье, труд уснул...  
Над спящим градом, как в вершинах леса,  
Проснулся чудный еженощный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..  
Иль смертных дум, освобожденных сном,  
Мир бестелесный, слышный, но незримый,  
Теперь роится в хаосе ночном?..

(1835)

\* \* \*

## ***Как птичка, с раннею зарей***

Как птичка, с раннею зарей  
Мир, пробудившись, встрепенулся..  
Ах, лишь одной главы моей  
Сон благодатный не коснулся!  
Хоть свежесть утрення вееет  
В моих всклокоченных власах,  
На мне, я чую, тяготеет  
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,  
Как ненавистны для меня  
Сей шум, движенье, говор, крики  
Младого, пламенного дня!..  
О, как лучи его багровы,  
Как жгут они мои глаза!..  
О ночь, ночь, где твои покровы,  
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,  
Вы, пережившие свой век!  
Как ваших жалоб, ваших пеней  
Неправый праведен упрек!..  
Как грустно полусонной тенью,

С изнеможением в кости,  
Навстречу солнцу и движенью  
За новым племенем брести!..

(1835)

*Пеня – жалоба, упрек.*

\* \* \*

## ***Вечер мглистый и ненастный...***

Вечер мглистый и ненастный...  
Чу, не жаворонка ль глас?..  
Ты ли, утра гость прекрасный,  
В этот поздний, мертвый час?..  
Гибкий, резвый, звучно-ясный,  
В этот мертвый, поздний час...  
Как безумья смех ужасный,  
Он всю душу мне потряс!..

(1835)

\* \* \*

## *Там, где горы, убегая*

Там, где горы, убегая,  
В светлой тянутся дали,  
Пресловутого Дуная  
Льются вечные струи.

Там-то, баяют, в стары годы,  
По лазуревым ночам,  
Фей вились хороводы  
Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели...  
И, навесясь с гор крутых,  
Замки рыцарей глядели  
С сладким ужасом на них.

И лучами неземными,  
Заключен и одинок,  
Перемигивался с ними  
С древней башни огонек.

Звезды в небе им внимали,  
Проходя за строем строй,  
И беседу продолжали

Тихомолком меж собой.

В панцирь дедовский закован,  
Воин-сторож на стене  
Слышал, тайно очарован,  
Дальний гул, как бы во сне.

И, лишь дремой забывался,  
Гул ясел и грохотал...  
Он с молитвой просыпался  
И дозор свой продолжал.

Всё прошло, всё взяли годы —  
Поддался и ты судьбе,  
О Дунай, и пароходы  
Ныне рыщут по тебе...

(1835)

\* \* \*

## ***Тени сизые смешались***

Тени сизые смешались,  
Цвет поблекнул, звук уснул —  
Жизнь, движенье разрешились  
В сумрак зыбкий, в дальный гул...  
Мотылька полет незримый  
Слышен в воздухе ночном...  
Час тоски невыразимой!..  
Всё во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,  
Лейся в глубь моей души,  
Тихий, темный, благовонный,  
Всё залей и утиши.  
Чувства мглой самозабвенья  
Переполни через край!..  
Дай вкусить уничтоженья,  
С миром дремлющим смешай!

(1835)

\* \* \*

## ***Нет, моего к тебе пристрастья***

Нет, моего к тебе пристрастья  
Я скрыть не в силах, мать-Земля...  
Духов бесплотных сладострастья,  
Твой верный сын, не жажду я...  
Что пред тобой утеха рая,  
Пора любви, пора весны,  
Цветущее блаженство мая,  
Румяный свет, золотые сны?..

Весь день в бездействии глубоком  
Весенний, теплый воздух пить,  
На небе чистом и высоком  
Порою облака следить,  
Бродить без дела и без цели  
И ненароком, на лету,  
Набрести на свежий дух синели  
Или на светлую мечту?..

(1835)

\* \* \*

## ***С поляны коршун поднялся***

С поляны коршун поднялся,  
Высоко к небу он взвился;  
Всё выше, дале вьется он —  
И вот ушел за небосклон!

Природа-мать ему дала  
Два мощных, два живых крыла —  
А я здесь в поте и в пыли.  
Я, царь земли, прирос к земле!..

(1835)

\* \* \*

## ***Зима недаром злится***

Зима недаром злится,  
Прошла её пора —  
Весна в окно стучится  
И гонит со двора.

И всё засуетилось,  
Всё нудит Зиму вон —  
И жаворонки в небе  
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет  
И на Весну ворчит.  
Та ей в глаза хохочет  
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая  
И, снегу захвата,  
Пустила, убегая,  
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:  
Умылася в снегу  
И лишь румяней стала

Наперекор врагу.

(1836)

*Взбесилась ведьма злая. Возможно, этот образ был создан под впечатлением обряда, распространенного в деревнях под Мюнхеном. В марте юноши и девушки имитируют весенние полевые работы; внезапно появляется «ведьма», которая безуспешно пытается им помешать. Сцена утверждает неизбежную победу лета над зимой.*

# ФОНТАН

## *Смотри, как облаком живым*

Смотри, как облаком живым  
Фонтан сияющий клубится;  
Как пламенеет, как дробится  
Его на солнце влажный дым.  
Лучом поднявшись к небу, он  
Коснулся высоты заветной —  
И снова пылью огнецветной  
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,  
О водомет неистоцимый!  
Какой закон непостижимый  
Тебя стремится, тебя мятет?  
Как жадно к небу рвешься ты!  
Но длань незримо-роковая  
Твой луч упорный, преломляя,  
Свергает в брызгах с высоты.

(1836)

\* \* \*

## ***Яркий снег сиял в долине***

Яркий снег сиял в долине, —  
Снег растаял и ушел;  
Вешний злак блестит в долине,  
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет  
Там, на высях снеговых?  
А заря и ныне сеет  
Розы свежие на них!..

(1836)

\* \* \*

## ***Не то, что мните вы, природа***

Не то, что мните вы, природа:  
Не слепок, не бездушный лик —  
В ней есть душа, в ней есть свобода,  
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.....  
.....  
.....  
.....

Вы зрите лист и цвет на древе:  
Иль их садовник приклеил?  
Иль зреет плод в родимом чреве  
Игрою внешних, чуждых сил?..

.....  
.....  
.....  
.....

Они не видят и не слышат,  
Живут в сем мире, как впотьмах,  
Для них и солнцы, зная, не дышат,

И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,  
Весна в груди их не цвела,  
При них леса не говорили,  
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,  
Волнуя реки и леса,  
В ночи не совещалась с ними  
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,  
Органа жизнь глухонемой!  
Души его, ах! не встревожит  
И голос матери самой!..

(1836)

*Строфы 2 и 4 были запрещены цензурой. Пушкин настоял на том, чтобы они были заменены точками, так как отсутствие этих строк нарушало композиционную цельность стихотворения. В 1851 г., готовя текст стихотворения Тютчева к печати, Н. В. Сушков просил автора вспомнить недостающие строфы, но поэт не смог восстановить их в своей памяти или не захотел их печатать. В ряде изданий стихотворение напечатано целиком по списку стихотворений Тютчева, сделанному по статье Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты» (С.*

1850, № 1), где была поправка Некрасова в ст. 31: «Увы, души в нем не встревожит» вм. «Души его, ах, не встревожит». Эта поправка не была замечена Тютчевым, когда он просматривал список СТ. Между тем она вступила в противоречие с тоном и смыслом ст-ния, являющегося инвективой и имеющего уничижительный для противников финал. «Увы» вм. «ах» приглушало в заключительной фразе ее гневную интонацию, высшая точка которой, как это и свойственно мелодике тютчевского восклицания, находится в центре фразы. Ст-ние является программным для всей натурфилософской лирики Тютчева. В его основе – романтическая идея одухотворенности материи, живущей по своим внутренним причинам, что характерно для философии тождества Шеллинга. В широком смысле ст-ние направлено против традиционно-церковных представлений о природе и механистических взглядов на нее, господствовавших в эпоху рационализма XVII – XVIII вв. Неприемлемость с ортодоксально-церковных позиций пантеистических взглядов объясняет причину ценз. купюр. Вместе с тем отдельные выражения («слепок», «лик», «внешние, чуждые силы» и др.) говорят о том, что полемический адресат ст-ния – объективно-идеалистическое учение Гегеля с его принципиальным обособлением природы от духа. Подобное обособление приобрело еще более резкое выражение у младогегельянцев правого, теистического крыла. По-видимому, ст-ние было

написано в 1833 – 1834 гг. во время полемики между Шеллингом и последователями Гегеля. Она началась в связи с выходом книги французского философа В. Кузена «Философские фрагменты» (Париж, 1833), предисловие к которой написал Шеллинг. Это предисловие было его первым литературным выступлением после двадцатилетнего молчания. Х. Роте высказал предположение, что толчком к созданию ст-ния могло послужить чтение Тютчевым книг Г. Гейне «Романтическая школа» (1833) и «К истории религии и философии в Германии» (1834), в которых также имеются критические выпады против поздней гегелевской трактовки природы. См. Rothe H. «Nicht was ihr meint, ist die Natur»: Tjutcev und das «Junge Deutschland» // «Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa». Giessen, 1978. S. 319—335.

\* \* \*

## ***Я помню время золотое***

Я помню время золотое,  
Я помню сердцу милый край.  
День вечерел; мы были двое;  
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,  
Руина замка в дол глядит,  
Стояла ты, младая фея,  
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь  
Обломков груды вековой;  
И солнце медлило, прощаясь  
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом  
Твоей одеждою играл  
И с диких яблонь цвет за цветом  
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...  
Край неба дымно гас в лучах;  
День догорал; звучнее пела

Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной  
Счастливым провожала день:  
И сладко жизни быстротечной  
Над нами пролетала тень.

(1836)

*По семейному преданию, поддержанному И. С. Аксаковым, В. Я. Брюсовым, Р. Ф. Брандтом, П. В. Быковым, Г. И. Чулковым и К. В. Пигаревым, ст-ние обращено к баронессе Амалии Максимилиановне Крюденер (1808 – 1888), урожденной графине Лерхенфельд, впоследствии графине Адлерберг. С ней Тютчев познакомился в 1822 г., вскоре по прибытии на службу в Мюнхен. Чувство дружеской приязни сохранилось между ними до самой кончины поэта. О ней Тютчев с теплом говорит в письме к родителям от 2/14 июля 1840 г. из Тагернзее. В одной из записок, посланных с одра болезни (дочери Дарье, 1 апр. 1873 г.), поэт писал, что «испытал минуту жгучего волнения» от свидания с Амалией Крюденер. И все-таки семейное предание до сих пор не находит документального подтверждения. Адресатом ст-ния может быть К. Ботмер (см. примеч. 335).*

\* \* \*

## *Еще земли печален вид*

Еще земли печален вид,  
А воздух уж весною дышит,  
И мертвый в поле стебель колышет,  
И елей ветви шевелит.  
Еще природа не проснулась,  
Но сквозь редящего сна  
Весну слышала она  
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...  
Но что же вдруг тебя волнует,  
Твой сон ласкает, и целует,  
И золотит твои мечты?..  
Блестят и тают глыбы снега,  
Блестит лазурь, играет кровь...  
Или весенняя то нега?..  
Или то женская любовь?..

(1836)

\* \* \*

## ***Люблю глаза твои, мой друг***

Люблю глаза твои, мой друг,  
С игрой их пламенно-чудесной,  
Когда их приподынешь вдруг  
И, словно молнией небесной,  
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:  
Глаза, потупленные ниц  
В минуты страстного лобзанья,  
И сквозь опущенных ресниц  
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

(1836)

\* \* \*

## ***И чувства нет в твоих очах***

И чувства нет в твоих очах,  
И правды нет в твоих речах,  
И нет души в тебе.  
Мужайся, сердце, до конца:  
И нет в творении Творца!  
И смысла нет в мольбе!

(1836)

\* \* \*

## ***Вчера, в мечтах обвороженных***

Вчера, в мечтах обвороженных;  
С последним месяца лучом  
На веждах темно-озаренных,  
Ты поздним позабылась сном.

Утихло вокруг тебя молчанье  
И тень нахмурилась темней,  
И груди ровное дыханье  
Струилось в воздухе слышной.

Но сквозь воздушный завес окон  
Недолго лился мрак ночной,  
И твой, взвеваясь, сонный локон  
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховойно,  
Как ветерком занесено,  
Дымно-легко, мглисто-лилейно  
Вдруг что-то порхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало  
По темно-брезжущим коврам,  
Вот, ухватись за одеяло,

Взбираться стало по краям, —

Вот, словно змейка, извиваясь,  
Оно на ложе взобралось,  
Вот, словно лента, развеваясь,  
Меж пологамы развилось...

Вдруг животрепетным сияньем  
Коснувшись персей молодых,  
Румяным громким восклицаньем  
Раскрыло шелк ресниц твоих!

1836

*Тема и образы ст-ния навеяны чтением ст-ния В. Г. Бенедиктова «Прекрасна дева молодая...». Тютчев прочитал его в сборнике ст-ний Бенедиктова (1835), присланном ему И. С. Гагариным. Об этой книге поэт писал Гагарину: «Очень благодарен за присланную вами книгу стихотворений. В них есть вдохновение и, что служит хорошим предзнаменованием для будущего, наряду с сильно выраженным идеалистическим началом есть склонность к положительному, вещественному, даже к чувственному. Беды в том нет... Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле».*

# 29-е ЯНВАРЯ 1837

## *Из чьей руки свинец смертельный*

Из чьей руки свинец смертельный  
Поэту сердце растерзал?  
Кто сей божественный фиал  
Разрушил, как сосуд скудельный?  
Будь прав или виновен он  
Пред нашей правдою земною,  
Навек он высшею рукою  
В «цареубийцы» заклеямен.

Но ты, в безвременную тьму  
Вдруг поглощенная со света,  
Мир, мир тебе, о тень поэта,  
Мир светлый праху твоему!..  
Назло людскому суесловью  
Велик и свят был жребий твой!..  
Ты был богов орган живой,  
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной  
Ты жажду чести утолил —  
И осененный опочил

Хоругвью горести народной.  
Вражду твою пусть Тот рассудит,  
Кто слышит пролитую кровь...  
Тебя ж, как первую любовь,  
России сердце не забудет!..

*Июнь или июль 1837*

*Вызвано трагической гибелью Пушкина, но написано, видимо, не в Мюнхене, а во время пребывания в Петербурге в мае – июле 1837 г. под впечатлением светских пересудов о дуэли и смерти поэта.*

# 1-е ДЕКАБРЯ 1837

## *Так здесь-то суждено нам было*

Так здесь-то суждено нам было  
Сказать последнее прости...  
Прости всему, чем сердцу жило,  
Что, жизнь твою убив, ее истлило  
В твоей измученной груди!..

Прости... Через много, много лет  
Ты будешь помнить с содроганьем  
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,  
Где вечный блеск и долгий цвет,  
Где поздних, бледных роз дыханьем  
Декабрьский воздух разогрет.

*Декабрь 1837*

*Написано в Генуе после свидания с Э.  
Пфеффель. Расставаясь с нею, Тютчев  
действительно предполагал, что расстанется  
навсегда. Впоследствии – 17 июля 1839 г. – она стала  
второй женой поэта.*

# **ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA**

## ***И распротяться с тревогою житейской***

И распротяться с тревогою житейской  
И кипарисной рощей заслонясь —  
Блаженной тенью, тенью элисейской  
Она заснула в добрый час.

И вот уж века два тому иль боле,  
Волшебною мечтой ограждена,  
В своей цветущей опочив юдоле,  
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!  
И много лет и теплых южных зим  
Провеяло над нею полусонно,  
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,  
Под потолком гуляет ветерок,  
И ласточка влетает и щебечет...  
И спит она... и сон ее глубок!..

И мы вошли... Всё было так спокойно!

Так всё от века мирно и темно!..  
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно  
Соседний кипарис глядел в окно.

Вдруг всё смутилось: судорожный трепет  
По ветвям кипарисным пробежал, —  
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,  
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:

«Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,  
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,  
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,  
Через порог заветный перешла?»

*Декабрь 1837*

*Связано с предыдущим и относится ко времени пребывания Тютчева и Э. Пфеффель в Генуе. Тенью элисейской, т. е. подобно душе, блаженствующей в Элизиуме.*

\* \* \*

## **Давно ль, давно ль, о Юг блаженный**

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,  
Я зрел тебя лицом к лицу —  
И ты, как бог разоблаченный,  
Доступен был мне, пришлецу?..  
Давно ль – хотя без восхищенья,  
Но новых чувств недаром полн —  
И я заслушивался пенья  
Великих Средиземных волн!

И песнь их, как во время оно,  
Полна гармонии была,  
Когда из их родного лона  
Киприда светлая всплыла...  
Они всё те же и поныне —  
Всё так же блещут и звучат,  
По их лазоревой равнине  
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился —  
Я вновь на Север увлечен...  
Вновь надо мною опустился

Его свинцовый небосклон...  
Здесь воздух колет. Снег обильный  
На высотах и в глубине —  
И холод, чародей всесильный,  
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,  
Там, там, на рубеже земли,  
На золотом, на светлом Юге  
Еще я вижу вас вдали:  
Вы блещете еще прекрасней,  
Еще лазурней и свежей —  
И говор ваш еще согласней  
Доходит до души моей!

*Декабрь 1837*

*Написано в дек. 1837 г. по возвращении из Генуи в Турин.*

\* \* \*

## ***Смотри, как запад разгорелся***

Смотри, как запад разгорелся  
Вечерним заревом лучей,  
Восток померкнувший оделся  
Холодной, сизой чешуей!  
В вражде ль они между собою?  
Иль солнце не одно для них  
И, неподвижною средою  
Деля, не съединяет их?

(1838)

*Возможно, в этом ст-нии есть политический подтекст: символическое изображение разлада между западом и востоком европейским.*

# ВЕСНА

## *Как ни гнетет рука судьбины*

Как ни гнетет рука судьбины,  
Как ни томит людей обман,  
Как ни браздят чело морщины  
И сердце как ни полно ран,  
Каким бы строгим испытаньям  
Вы ни были подчинены, —  
Что устоит перед дыханьем  
И первой встречею весны!

Весна... Она о вас не знает,  
О вас, о горе и о зле;  
Бессмертьем взор ее сияет,  
И ни морщины на челе.  
Своим законам лишь послушна,  
В условный час слетает к вам,  
Светла, блаженно-равнодушна,  
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землю,  
Свежа, как первая весна;  
Была ль другая перед нею —  
О том не ведает она;  
По небу много облак бродит,

Но эти облака ея,  
Она ни следу не находит  
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы  
И соловей в ночи поет,  
Благоухающие слезы  
Не о былом Аврора льет, —  
И страх кончины неизбежной  
Не свет с дерева ни листа:  
Их жизнь, как океан безбрежный,  
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!  
Приди ж, отвергни чувств обман  
И ринься, бодрый, самовластный,  
В сей животворный океан!  
Приди, струей его эфирной  
Омой страдальческую грудь —  
И жизни Божеско-всемирной  
Хотя на миг причастен будь!

(1838)

# ЛЕБЕДЬ

## *Пускай орел за облаками*

Пускай орел за облаками  
Встречает молнии полет  
И неподвижными очами  
В себя впивает солнца свет.

Но нет завиднее удела,  
О лебедь чистый, твоего —  
И чистой, как ты сам, одело  
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,  
Лелеет твой всезрящий сон —  
И полной славой тверди звездной  
Ты отовсюду окружен.

*Между 1838 и серединой 1839*

*Противопоставление лебедя и орла как символов лирического и политического поэтов, характерное для поэтики классицизма, было унаследовано многими романтиками. Символическое значение образа лебедя связано с древнегреческим преданием о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей. Ср. оду XX Горация и ст-ние Г. Р. Державина*

*«Лебедь» (1804). Антитеза лебедя и орла имеет в ст-нии еще одно значение: Россия (в гербе которой орел) противопоставляется Баварии (в гербе Людвига Баварского лебедь). Эту антитезу Тютчев позаимствовал из ст-ния А. П. Мальтица «Лебедь» (1838). Неподвижными очами В себя вливает солнца свет. Тютчев имеет в виду поверье о том, что орел может смотреть на солнце, не закрывая глаз.*

\* \* \*

## ***С какою негою, с какою тоской влюбленный***

С какою негою, с какою тоской влюбленный  
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!  
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный  
Небесной молнии огнем, —

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,  
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...  
Но скоро добрый сон, младенческо-беспечный,  
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,  
И, матери нежней, тебя лелеял он...  
Стон замирал в устах... дыханье уравнилось —  
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,  
Что будущность для нас обоих берегла...  
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась —  
Иль в сон иной бы перешла.

*Между концом 1838 и серединой 1839*

*Обращено к Эрнестине Пфедфель – будущей второй жене поэта (1810 – 1894; в первом браке – Дёрнберг), с которой он сблизился еще в начале 1833 г. В том же году она овдовела. В 1836 г. их роман получил в Мюнхене широкую огласку, в связи с чем несколько пошатнулось душевное равновесие Элеоноры Тютчевой (урожденной графини Ботмер, в первом браке Петерсон, 1799 – 1838). К несчастью, это совпало по времени с отнятием от груди родившейся у нее в 1835 г. дочери Екатерины. Во время одного из приступов послеродовой горячки Элеонора пыталась покончить жизнь самоубийством, нанеся себе несколько ударов в грудь небольшим маскарадным кинжалом. Ст-ние написано уже после смерти Элеоноры (авг. 1838 г.). В первых трех строфах Тютчев описывает одну из первых встреч с Э. Дёрнберг, причем о себе говорит отстраненно – в 3-м лице, а в строфе 4, совершив – после отточия – переход к первому лицу мн. числа, пишет об общности их судеб, намекая на то, что их союз оплачен ценой двух жизней – ее мужа и его жены.*

# ДЕНЬ И НОЧЬ

## *На мир таинственный духов*

На мир таинственный духов,  
Над этой бездной безымянной,  
Покров наброшен златотканый  
Высокой волею богов.  
День – сей блистательный покров  
День, земнородных оживленье,  
Души болящей исцеленье,  
Друг человеков и богов!

Но меркнет день – настала ночь;  
Пришла – и, с мира рокового  
Ткань благодатную покрыва  
Сорвав, отбрасывает прочь...  
И бездна нам обнажена  
С своими страхами и мглами,  
И нет преград меж ей и нами —  
Вот отчего нам ночь страшна!

(1839)

\* \* \*

## ***Не верь, не верь поэту, дева***

Не верь, не верь поэту, дева;  
Его своим ты не зови —  
И пуще пламенного гнева  
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь  
Своей младенческой душой;  
Огня палящего не скроешь  
Под легкой девственной фатой.

Поэт всемогущ, как стихия,  
Не властен лишь в себе самом;  
Невольно кудри молодые  
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит  
Его бессмысленный народ...  
Он не змиею сердце жалит,  
Но, как пчела, его сосет.

Твоей святыни не нарушит  
Поэта чистая рука,  
Но ненароком жизнь задушит

Иль унесет за облака.

\* \* \*

## *Глядел я, стоя над Невой*

Глядел я, стоя над Невой,  
Как Исаака-великана  
Во мгле морозного тумана  
Светился купол золотой.

Всходили робко облака  
На небо зимнее, ночное,  
Белела в мертвенном покое  
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,  
Как в тех странах, где солнце греет,  
Теперь на солнце пламенеет  
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,  
Иль я тобою околдован?  
Иль в самом деле я прикован  
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,  
Во мгле вечерней тихо вея,  
Меня унес скорей, скорее

Туда, туда, на теплый Юг...

21 ноября 1844

*Первое ст-ние, написанное Тютчевым по окончательном переезде из-за границы в Петербург.*

\* \* \*

## ***Еще томлюсь тоской желаний***

Еще томлюсь тоской желаний,  
Еще стремлюсь к тебе душой —  
И в сумраке воспоминаний  
Еще ловлю я образ твой...  
Твой милый образ, незабвенный,  
Он предо мной, везде, всегда,  
Недостижимый, неизменный, —  
Как ночью на небе звезда...

1848

*Написано в десятилетнюю годовщину смерти первой жены поэта Элеоноры Ботмер. «Есть ужасные годы в существовании человеческом, — писал Тютчев Жуковскому 6/18 окт. 1838 г. — Пережить все, чем мы жили — жили в продолжение целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы — и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить». 4/16 мая 1846 г. в беседе с дочерью Анной Тютчев сказал: «Первые годы твоей жизни, дочь моя... были для меня самыми прекрасными, самыми полными годами страстей. Я провел их с твоей матерью и Клотильдой (сестрой Элеоноры). Эти дни были так прекрасны, мы были так счастливы! Нам казалось, что они не кончатся*

*никогда, – так богаты, так полны были эти дни. Но годы промелькнули быстро, и все исчезло навеки... И столько людей более или менее знакомых, более или менее любимых исчезло с горизонта, чтобы никогда больше не появиться на нем. И она также... И все-таки я обладаю ею, она вся передо мной, бедная твоя мать!» (запись в дневнике А. Ф. Тютчевой). Последние четыре стиха перекликаются со строками из ст-ния К. Н. Батюшкова «Мой гений» (1815): «И образ милый, незабвенный Повсюду странствует со мной».*

# РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

## *Вдали от солнца и природы*

Вдали от солнца и природы,  
Вдали от света и искусства,  
Вдали от жизни и любви  
Мелькнут твои молодые годы,  
Живые помертвеют чувства,  
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима  
В краю безлюдном, безымянном,  
На незамеченной земле, —  
Как исчезает облак дыма  
На небе тусклом и туманном,  
В осенней беспредельной мгле...

*1848 или 1849*

\* \* \*

## ***Как дымный столп светлеет в вышине!***

Как дымный столп светлеет в вышине! —  
Как тень внизу скользит, неуловима!..  
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —  
Не светлый дым, блестящий при луне,  
А эта тень, бегущая от дыма...»

*1848 или 1849*

\* \* \*

## ***Неохотно и несмело***

Неохотно и несмело  
Солнце смотрит на поля.  
Чу, за тучей прогремело,  
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,  
Дальный гром и дождь порой.  
Зеленеющие нивы  
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи  
Синей молнии струя —  
Пламень белый и летучий  
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,  
Вихрем пыль летит с полей,  
И раскаты громовые  
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло  
Исподлобья на поля —  
И в сиянье потонула

Вся смятенная земля.

6 июня 1849

*Написано по дороге из Москвы в имение Тютчевых  
Овстуг.*

\* \* \*

## ***Итак, опять увиделся я с вами***

Итак, опять увиделся я с вами,  
Места немилые, хоть и родные,  
Где мыслил я и чувствовал впервые —  
И где теперь, туманными очами,  
При свете вечерющего дня,  
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,  
Забытого, загадочного счастья!  
О, как теперь без веры и участия  
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,  
Куда как чужд ты стал в моих глазах —  
Как брат меньшей, умерший в пеленах...

Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный  
Был для души моей родимым краем —  
Не здесь расцвел, не здесь был величаем  
Великий праздник молодости чудной.  
Ах, и не в эту землю я сложил  
Всё, чем я жил и чем я дорожил!

*13 июня 1849*

*Написано во время пребывания в Овстуге, куда*

*Тютчев приехал 7 июня 1849 г., вторично по своем возвращении из-за границы. По своему настроению близко к тому, что писал Тютчев жене 31 авг. 1846 г. под впечатлением первого посещения Овстуга после многих лет отсутствия. Ах, и не в эту землю я сложил Всё, чем я жил и чем я дорожил. Поэт вспоминает о своей первой жене, умершей и похороненной в Турине.*

\* \* \*

## ***Тихой ночью, поздним летом***

Тихой ночью, поздним летом,  
Как на небе звезды рдеют,  
Как под сумрачным их светом  
Нивы дремлющие зреют...  
Усыпительно-безмолвны,  
Как блестят в тиши ночной  
Золотистые их волны,  
Убеленные луной...

*23 июля 1849*

\* \* \*

## ***Когда в кругу убийственных забот***

Когда в кругу убийственных забот  
Нам всё мерзит – и жизнь, как камней гряда,  
Лежит на нас, – вдруг знает Бог откуда  
Нам на душу отрадное дохнет,  
Минувшим нас обвеет и обнимет  
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда осеннею порой,  
Когда поля уж пусты, рощи голы,  
Бледнее небо, пасмурнее доли,  
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,  
Опавший лист погонит пред собою  
И душу нам обдаст как бы весною...

*22 октября 1849*

\* \* \*

## **Слезы людские, о слезы людские**

Слезы людские, о слезы людские,  
Льетесь вы ранней и поздней порой...  
Льетесь безвестные, льетесь незримые,  
Неистошимые, неисчислимые, —  
Льетесь, как льются струи дождевые  
В осень глухую порою ночной.

*Осень 1849*

*И. С. Аксаков писал: «...однажды, в осенний дождливый вечер, возвратись домой на извозчичьих дрожках, почти весь промокший, он сказал встретившей его дочери: „j'ai fait quelques rimes“ (я сочинил несколько стихов), и, пока его раздевали, продиктовал ей следующее прелестное стихотворение: „Слезы людские, о слезы людские“.*

\* \* \*

## ***Вновь твои я вижу очи***

Вновь твои я вижу очи —  
И один твой южный взгляд  
Киммерийской грустной ночи  
Вдруг рассеял сонный хлад...  
Воскресает предо мною  
Край иной – родимый край —  
Словно прадедов виною  
Для сынов погибший рай...

Сновиденьем безобразным  
Скрылся север роковой,  
Сводом легким и прекрасным  
Светит небо надо мной.  
Снова жадными очами  
Свет живительный я пью  
И под чистыми лучами  
Край волшебный узнаю.

Лавров стройных колыханье  
Зыблет воздух голубой,  
Моря тихое дыханье  
Провеваает летний зной,  
Целый день на солнце зреет

Золотистый виноград,  
Баснословной былью веет  
Из-под мраморных аркад...

1849

*Обращено, по-видимому, к Эрн. Ф. Тютчевой и содержит воспоминание о пребывании с ней в Италии в 1838 г. Киммерийской грустной ночи. Киммерия упоминается в «Одиссее» Гомера как «печальная область», где царит «ночь безотрадная».*

\* \* \*

## ***Как он любил родные ели***

Как он любил родные ели  
Своей Савойи дорогой!  
Как мелодически шумели  
Их ветви над его главой!..  
Их мрак торжественно-угрюмый  
И дикий, заунывный шум  
Какою сладостною думой  
Его обворожали ум!..

1849

*Навеяно чтением книги А. Ламартина «Признания» (1849), где есть такие строки: «Ветер также мелодически шумит в ветвях трех елей, посаженных моей матерью... когда мне случается забыться там на минуту, меня пробуждают только шаги старого виноградаря, который служил у нас прежде садовником и который приходит иногда навестить свои растения, как я мои-воспоминания и мечты». Савойя – один из южных департаментов Франции, родина Ламартина; до 1860 г. принадлежала Сардинскому королевству.*

# ПОЭЗИЯ

## *Среди громов, среди огней*

Среди громов, среди огней,  
Среди клокочущих страстей,  
В стихийном, пламенном раздоре,  
Она с небес слетает к нам —  
Небесная к земным сынам,  
С лазурной ясностью во взоре —  
И на бунтующее море  
Льет примирительный елей.

(1850)

\* \* \*

## *Кончен пир, умолкли хоры*

Кончен пир, умолкли хоры,  
Опорожнены амфоры,  
Опрокинуты корзины,  
Не допиты в кубках вины,  
На главах венки измяты, —  
Лишь курятся ароматы  
В опустевшей светлой зале...

Кончив пир, мы поздно встали  
Звезды на небе сияли,  
Ночь достигла половины...  
Как над беспокойным градом,  
Над дворцами, над домами,  
Шумным уличным движеньем  
С тускло-рдяным освещеньем  
И бессонными толпами, —  
Как над этим дольным чадом  
В горнем, выпренном пределе  
Звезды чистые горели,  
Отвечая смертным взглядам  
Непорочными лучами...

(1850)

*Дольный – земной. Горний – небесный.*

# РИМ, НОЧЬЮ

## *В ночи лазурной почивает Рим*

В ночи лазурной почивает Рим.  
Взошла луна и – овладела им,  
И спящий град, безлюдно-величавый,  
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!  
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..  
Как будто лунный мир и град почивший —  
Всё тот же мир, волшебный, но отживший!..

(1850)

\* \* \*

## ***Святая ночь на небосклон взошла***

Святая ночь на небосклон взошла,  
И день отрадный, день любезный,  
Как золотой покров, она свила,  
Покров, накинутый над бездной.  
И, как виденье, внешний мир ушел...  
И человек, как сирота бездомный,  
Стоит теперь и немощен и гол,  
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —  
Упразднен ум, и мысль осиротела —  
В душе своей, как в бездне, погружен,  
И нет извне опоры, ни предела...  
И чудится давно минувшим сном  
Ему теперь всё светлое, живое...  
И в чуждом, неразгаданном ночном  
Он узнает наследье родовое.

*Между 1848 и мартом 1850*

\* \* \*

## *Пошли, Господь, свою отраду*

Пошли, Господь, свою отраду  
Тому, кто в летний жар и зной  
Как бедный нищий мимо саду  
Бредет по жесткой мостовой —

Кто смотрит вскользь через ограду  
На тень деревьев, злак долин,  
На недоступную прохладу  
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной  
Деревья сенью разрослись,  
Не для него, как облак дымный,  
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,  
Напрасно взор его манит,  
И пыль росистая фонтана  
Главы его не осенит.

Пошли, Господь, свою отраду  
Тому, кто жизненной тропой  
Как бедный нищий мимо саду

Бредет по знойной мостовой.

*Июль 1850*

# НА НЕБЕ

## *И опять звезда играет*

И опять звезда играет  
В легкой зыби невских волн.  
И опять любовь вверяет  
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездой  
Он скользит как бы во сне  
И два призрака с собою  
Вдаль уносит по волне.

Дети ль это праздной лени  
Тратят здесь досуг ночной?  
Иль блаженные две тени  
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,  
Дивно-пышная волна,  
Приюти в своем просторе  
Тайну скромного челна!

*Июль 1850*

*Одно из первых ст-ний так называемого «денисьевского» цикла любовной лирики поэта. Об*

*отношения Тютчева с Е. А. Денисьевой и стихах, ей посвященных, см.: Чулков Г. Последняя любовь Тютчева. М., 1928. Близкие отношения Тютчева и Елены Александровны Денисьевой (1826 – 1864) продолжались 14 лет, вплоть до ее смерти.*

\* \* \*

## ***Не рассуждай, не хлопочи!..***

Не рассуждай, не хлопочи!..  
Безумство ищет, глупость судит:  
Дневные раны сном лечи,  
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей всё пережить:  
Печаль, и радость, и тревогу.  
Чего желать? О чем тужить?  
День пережит – и слава Богу!

*Июль 1850*

\* \* \*

## ***Как ни дышит полдень знойный***

Как ни дышит полдень знойный  
В растворенное окно,  
В этой храмине спокойной,  
Где всё тихо и темно,

Где живые благовонья  
Бродят в сумрачной тени,  
В сладкий сумрак полусонья  
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый  
День и ночь поет в углу  
И кропит росой незримой  
Очарованную мглу.

И в мерцанье полусвета,  
Тайной страстью занята,  
Здесь влюбленного поэта  
Веет легкая мечта.

*Июль 1850*

*Одно из первых ст-ний, внушенных любовью Тютчева  
к Е. А. Денисьевой.*

\* \* \*

## ***Под дыханьем непогоды***

Под дыханьем непогоды,  
Вздувшись, потемнели воды  
И подернулись свинцом —  
И сквозь глянец их суровый  
Вечер пасмурно-багровый  
Светит радужным лучом,

Сыплет искры золотые,  
Сеет розы огневые,  
И – уносит их поток...  
Над волной темно-лазурной  
Вечер пламенный и бурный  
Обрывает свой венок...

*12 августа 1850*

*Написано во время поездки в Преображенский монастырь (на о. Валаам в Ладожском озере), совершенной вместе с Е. А. Денисьевой и А. Ф. Тютчевой, старшей дочерью поэта.*

\* \* \*

## ***Обвеян вещею дремотой***

Обвеян вещею дремотой,  
Полураздетый лес грустит...  
Из летних листьев разве сотый,  
Блестя осенней позолотой,  
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участием умиленным,  
Когда, пробившись из-за туч,  
Вдруг по деревьям испещренным,  
С их ветхим листьем изнуренным,  
Молниевидный брызнет луч!

Как увядающее мило!  
Какая прелесть в нем для нас,  
Когда, что так цвело и жило,  
Теперь, так немощно и хило,  
В последний улыбнется раз!..

*15 сентября 1850*

# ДВА ГОЛОСА

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,  
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!  
Над вами светила молчат в вышине,  
Под вами могилы – молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:  
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;  
Тревога и труд лишь для смертных сердец...  
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,  
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!  
Над вами безмолвные звездные круги,  
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым оком  
Глядят на борьбу непреклонных сердец.  
Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком,  
Тот вырвал из рук их победный венец.

1850

А. А. Блок отметил в этом ст-нии «эллинское, дохристианово чувство Рока, трагическое» (см.: Блок А. Дневник 1911 г. // Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 99). Вместе с тем, как верно заметил Б. М. Козырев, в ст-нии выразилось прощание Тютчева с «язычеством»: «Здесь разрыв с „благими“ богами природы, здесь величественная попытка утвердить достоинство человека в нем самом как в высшем существе во вселенной, которому, несмотря на то что оно обречено на гибель и уничтожение, завидуют сами олимпийцы. Морально здесь торжествует человек. Но удержаться на этой позиции отчаянья, в себе самом находящего призрачное утешение и призрачную победу, Тютчев не захотел – или не смог. С той поры он пытается стать христианином. Об этом свидетельствует прежде всего большое число христианских образов, хлынувших в его поэзию. Античные же природные боги вымирают после „Двух голосов“...» (Козырев Б. М. Мифологемы творчества Тютчева и ионийская натурфилософия: Из писем о Тютчеве). Ст-ние перекликается с масонским гимном Гете «Symbol» (1816). «Но по содержанию, – пишет Б. М. Козырев, – „Два голоса“ являются самой смелой и горькой отповедью названному гимну с позиций сурового и – по моральному своему пафосу – атеистического стоицизма». Горний – небесный.

\* \* \*

## ***Смотри, как на речном просторе***

Смотри, как на речном просторе,  
По склону вновь оживших вод,  
Во всеобъемлющее море  
Льдина за льдиною плывет.

На солнце ль радужно блистая  
Иль ночью, в поздней темноте,  
Но все, неизбежимо тая,  
Они плывут к одной мете.

Все вместе – малые, большие,  
Утратив прежний образ свой,  
Все – безразличны, как стихия, —  
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,  
Ты, человеческое Я,  
Не таково ль твое значенье,  
Не такова ль судьба твоя?

(1851)

# ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

## *Любовь, любовь – гласит преданье*

Любовь, любовь – гласит преданье  
Союз души с душой родной —  
Их съединенье, сочетанье,  
И роковое их слиянье,  
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее  
В борьбе неравной двух сердец,  
Тем неизбежней и вернее,  
Любя, страдая, грустно млея,  
Оно изнает наконец...

*Между июлем 1850 и серединой 1851*

# **БЛИЗНЕЦЫ**

## ***Есть близнецы – для земнородных***

Есть близнецы – для земнородных  
Два божества – то Смерть и Сон,  
Как брат с сестрою дивно сходных  
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца —  
И в мире нет четы прекрасней,  
И обаянья нет ужасней,  
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,  
И только в роковые дни  
Своей неразрешимой тайной  
Обворажают нас они.

И кто в избытке ощущений,  
Когда кипит и стынет кровь,  
Не ведал ваших искушений —  
Самоубийство и Любовь!

*Между июлем 1850 и серединой 1851*

\* \* \*

## ***Я очи знал, – о, эти очи!***

Я очи знал, – о, эти очи!  
Как я любил их – знает Бог!  
От их волшебной, страстной ночи  
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,  
Жизнь обнажающем до дна,  
Такое слышалось горе,  
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный  
В тени ресниц ее густой,  
Как наслажденья, утомленный  
И, как страданья, роковой.

В эти чудные мгновенья  
Ни разу мне не довелось  
С ним повстречаться без волненья  
И любоваться им без слез.

*Между июлем 1850 и серединой 1851*

*Видимо, написано в первый год сближения с Е. А. Денисьевой, однако, как верно отметил Г. И. Чулков,*

*«прошедшее время, введенное поэтом с первых стихов пьесы и выдержанное до конца, вызывает некоторое сомнение» в том, что ст-ние относится к ней (Чулков Г. Последняя любовь Тютчева. М., 1928. С. 79).*

\* \* \*

## ***Не говори: меня он, как и прежде, любит***

Не говори: меня он, как и прежде, любит,  
Мной, как и прежде, дорожит...  
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,  
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,  
Увлечена, в душе уязвлена,  
Я страдаю, не живу... им, им одним живу я  
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно..  
Не мерят так и лютому врагу...  
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,  
Могу дышать, но жить уж не могу.

*Между июлем 1850 и серединой 1851  
Написано от лица Е. А. Денисьевой.*

\* \* \*

## ***О, не тревожь меня укорой справедливой!***

О, не тревожь меня укорой справедливой!  
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:  
Ты любишь искренно и пламенно, а я —  
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,  
Мной созданным самим, без веры я стою —  
И самого себя, краснея, узнаю  
Живой души твоей безжизненным кумиром.

*Между июлем 1850 и серединой 1851*  
*Часть – здесь: участь, судьба.*

\* \* \*

## ***Чему молилась ты с любовью***

Чему молилась ты с любовью,  
Что, как святыню, берегла,  
Судьба людскому суесловью  
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась  
В святилище души твоей,  
И ты невольно устыдилась  
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, когда б живые крылья  
Души, парящей над толпой,  
Ее спасали от насилья  
Безмерной пошлости людской!

*Между июлем 1850 и серединой 1851*

\* \* \*

## ***О, как убийственно мы любим***

О, как убийственно мы любим,  
Как в буйной слепости страстей  
Мы то всего вернее губим,  
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,  
Ты говорил: она моя...  
Год не прошел – спроси и сведай,  
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,  
Улыбка уст и блеск очей?  
Всё опалили, выжгли слезы  
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,  
При первой встрече роковой,  
Ее волшебны взоры, речи  
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где ж всё это?  
И долговечен ли был сон?  
Увы, как северное лето,

Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором  
Твоя любовь для ней была,  
И незаслуженным позором  
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!  
В ее душевной глубине  
Ей оставались вспоминанья...  
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,  
Очарование ушло...  
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала  
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,  
Как пепл, сберечь ей удалось?  
Боль злую, боль ожесточенья,  
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!  
Как в буйной слепости страстей  
Мы то всего вернее губим,  
Что сердцу нашему милей!..

*Первая половина 1851*

**(Э. Ф. ТЮТЧЕВОЙ)**  
**Не знаю я, коснется**  
**ль благодать**

Не знаю я, коснется ль благодать  
Моей души болезненно-греховной,  
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,  
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла  
Здесь, на земле, найти успокоенье,  
Мне благодатью ты б была —  
Ты, ты, мое земное провиденье!..

*Апрель 1851*

*Перед текстом помета на французском языке: «Для вас (чтобы прочесть наедине)». Обращено ко второй жене поэта, Эрн. Ф. Тютчевой. Написанное в первый год любви Тютчева к Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172), ст-ние было вложено поэтом в альбом-гербарий, принадлежавший его жене, и пролежало в нем, не замеченное ею, 24 года – до мая 1875 г. Прочитав впервые это ст-ние, И. С. Аксаков писал (в письме к дочери поэта Екатерине от 8 июня 1875 г.): «Стихи эти замечательны не столько как стихи, сколько*

*потому, что бросают луч света на сокровеннейшие, интимнейшие брожения его сердца к жене... В 1851 г. ...она еще не настолько знала по-русски, чтобы понимать русские стихи, да и не умела еще разбирать русского писанья Ф. И. ...Каков же был ее сюрприз, ее радость и скорбь при чтении этого привета d'outre tombe (замогильного), такого привета, такого признания ее подвига жены, ее дела любви!»*

# ПЕРВЫЙ ЛИСТ

## *Лист зеленеет молодой.*

Лист зеленеет молодой.  
Смотри, как листьям молодым  
Стоят обвеяны березы,  
Воздушной зеленью сквозной,  
Полупрозрачную, как дым...

Давно им грезилось весной,  
Весной и летом золотым, —  
И вот живые эти грезы  
Под первым небом голубым  
Пробились вдруг на свет дневной.

О, первых листьев красота,  
Омытых в солнечных лучах,  
С новорожденною их тенью!  
И слышно нам по их движенью,  
Что в этих тысячах и тьмах  
Не встретишь мертвого листа.

*Май 1851*

\* \* \*

## ***Не раз ты слышала признание***

Не раз ты слышала признание:  
«Не стою я любви твоей».  
Пускай мое она создание —  
Но как я беден перед ней...

Перед любовью твоею  
Мне больно вспомнить о себе —  
Стою, молчу, благоговею  
И поклоняюсь тебе...

Когда порой так умиленно,  
С такою верой и мольбой  
Невольно клонишь ты колено  
Пред колыбелью дорогой,

Где спит она – твое рождение —  
Твой безымянный херувим, —  
Пойми ж и ты мое смирение  
Пред сердцем любящим твоим.

1851

*Обращено к Е. А. Денисьевой вскоре после рождения  
ее первой дочери Елены. Впервые опубликовавшая*

*это ст-ние Е. П. Казанович полагает, что оно написано еще до крещения дочери, чем и объясняется выражение «безымянный херувим».*

# **НАШ ВЕК**

## ***Не плоть, а дух растлился в наши дни***

Не плоть, а дух растлился в наши дни,  
И человек отчаянно тоскует...  
Он к свету рвется из ночной тени  
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,  
Невыносимое он днесь выносит...  
И сознает свою погибель он,  
И жаждет веры... но о ней не просит.

Не скажет век, с молитвой и слезой,  
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:  
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!  
Приди на помощь моему неверью!..»

10 июня 1851

*«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!..» и т. д. –  
перефразировка евангельского изречения (Марк, 9.24).*

\* \* \*

## ***Дума за думой, волна за волной***

Дума за думой, волна за волной —  
Два проявленья стихии одной:  
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,  
Здесь – в заключении, там – на просторе, —  
Тот же всё вечный прибой и отбой,  
Тот же всё призрак тревожно-пустой.

*14 июля 1851*

\* \* \*

## ***Не остывшая от зною***

Не остывшая от зною,  
Ночь июльская блистала...  
И над тусклою землюю  
Небо, полное грозою,  
Всё в зарницах трепетало.

Словно тяжкие ресницы  
Подымались над землею,  
И сквозь беглые зарницы  
Чьи-то грозные зеницы  
Загорались порою...

*14 июля 1851*

\* \* \*

## ***В разлуке есть высокое значенье***

В разлуке есть высокое значенье:  
Как ни люби, хоть день один, хоть век,  
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,  
И рано ль, поздно ль пробужденье,  
А должен наконец проснуться человек...

*6 августа 1851*

\* \* \*

## ***День вечереет, ночь близка***

День вечереет, ночь близка,  
Длинней с горы ложится тень,  
На небе гаснут облака...  
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,  
Не жаль скудеющего дня, —  
Лишь ты, волшебный призрак мой  
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,  
Волненья сердца утиши,  
И благодатна будет тень  
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,  
Небесный ты или земной?  
Воздушный житель, может быть, —  
Но с страстной женскою душой.

*1 ноября 1851*

\* \* \*

## ***Как весел грохот летних бурь***

Как весел грохот летних бурь,  
Когда, взметая прах летучий,  
Гроза, нахлынувшая тучей,  
Смутит небесную лазурь  
И опрометчиво-безумно  
Вдруг на дубраву набежит,  
И вся дубрава задрожит  
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,  
Лесные гнутся исполины;  
Тревожно ропщут их вершины,  
Как совещаюсь меж собой, —  
И сквозь внезапную тревогу  
Немолчно слышен птичий свист,  
И кой-где первый желтый лист,  
Крутясь, слетает на дорогу...

\* \* \*

# ***Ты волна моя морская***

*Mobile comme l'onde*

Ты волна моя морская,  
Своенравная волна,  
Как, покоясь иль играя,  
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеешься,  
Отражая неба свод,  
Иль мятешься ты и бьешься  
В одичалой бездне вод, —

Сладок мне твой тихий шепот,  
Полный ласки и любви;  
Внятен мне и буйный ропот,  
Стоны вещице твои.

Будь же ты в стихии бурной  
То угрюма, то светла,  
Но в ночи твоей лазурной  
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, как дар заветный,

В зыбь твою я опустил,  
И не камень самоцветный  
Я в тебе похоронил.

Нет – в минуту роковую,  
Тайной прелестью влеком,  
Душу, душу я живую  
Схоронил на дне твоём.

*Апрель 1852*

*Б.М. Козырев в «Письмах о Тютчеве» убедительно показал, что в образе «своенравной волны» Тютчев создал символически обобщенный портрет Е. А. Денисьевой. Не кольцо, как дар заветный и т. д. Этот образ, в основе которого вариация на тему немецкой народной песни (ср. ст-ние В. А. Жуковского «Кольцо души-девицы...»), построен на противопоставлении «законной» любви и роковой любви-самоубийства и включает намек на то общественное положение, в котором оказалась Е. А. Денисьева из-за своих отношений с поэтом.*

\* \* \*

## ***Сияет солнце, воды блещут***

Сияет солнце, воды блещут,  
На всем улыбка, жизнь во всем,  
Деревья радостно трепещут,  
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,  
Любовью воздух растворен,  
И мир, цветущий мир природы,  
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья  
Нет упоения сильней  
Одной улыбки умиленья  
Измученной души твоей...

*28 июля 1852*

*Написано на Каменном острове (помета в рукописи) в Петербурге, где Тютчев жил с июня по сент. 1852 г. В последней строфе – обращение к Е. А. Денисьевой.*

\* \* \*

## ***Чародейкою Зимою***

Чародейкою Зимою  
Околдован, лес стоит —  
И под снежной бахромою,  
Неподвижною, немою,  
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —  
Не мертвец и не живой —  
Сном волшебным очарован,  
Весь опутан, весь окован  
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет  
На него свой луч косой —  
В нем ничто не затрепещет,  
Он весь вспыхнет и заблещет  
Ослепительной красой.

*31 декабря 1852*

# ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

## *О, как на склоне наших лет*

О, как на склоне наших лет  
Нежней мы любим и суеверней...  
Сияй, сияй, прощальный свет  
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,  
Лишь там, на западе, бродит сиянье,  
Помедли, помедли, вечерний день,  
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,  
Но в сердце не скудеет нежность...  
О ты, последняя любовь!  
Ты и блаженство, и безнадежность.

*Между серединой 1851 и началом 1854*

# ЛЕТО 1854

## *Какое лето, что за лето!*

Какое лето, что за лето!  
Да это просто колдовство —  
И как, (с)прошу, далось нам это  
Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами  
На этот блеск, на этот свет...  
Не издеваются ль над нами?  
Откуда нам такой привет?..

Увы, не так ли молодая  
Улыбка женских уст и глаз,  
Не восхищая, не прельщая,  
Под старость лишь смущает нас.

*Август 1854*

*Первоначальная ред. была послана поэтом Эрн. Ф. Тютчевой с письмом от 11 авг. 1854. Перекликается со следующими строками из письма поэта к жене от 5 авг. 1854 г.: «Какие дни! Какие ночи! Какое чудное лето! Его чувствуешь, дышишь им, проникаешься им и едва веришь этому сам. Что мне кажется особенно чудесным – это продолжительность, невозмутимая*

*продолжительность этих хороших дней, внушающая какое-то доверие, называемое удачею в игре».*

\* \* \*

## ***Увы, что нашего незнания***

Увы, что нашего незнания  
И беспомощней и грустней?  
Кто смеет молвить: до свиданья  
Чрез бездну двух или трех дней?

*11 сентября 1854*

*В письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 11 сент. 1854 г. из  
Петербурга.*

\* \* \*

## ***Пламя рдеет, пламя пышет***

Пламя рдеет, пламя пышет,  
Искры брызжут и летят,  
А на них прохладой дышит  
Из-за речки темный сад.  
Сумрак тут, там жар и крики,  
Я брожу как бы во сне, —  
Лишь одно я живо чую:  
Ты со мной и вся во мне.

Треск за треском, дым за дымом,  
Трубы голые торчат,  
А в покое нерушимом  
Листья веют и шуршат.  
Я, дыханьем их обвеян,  
Страстный говор твой люблю...  
Слава Богу, я с тобою,  
А с тобой мне – как в раю.

*10 июля 1855*

\* \* \*

## ***Эти бедные селенья***

Эти бедные селенья,  
Эта скудная природа —  
Край родной долготерпенья,  
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит  
Гордый взор иноплеменный,  
Что сквозит и тайно светит  
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,  
Всю тебя, земля родная,  
В рабском виде Царь небесный  
Исходил, благословляя.

*13 августа 1855*

\* \* \*

## ***Вот от моря и до моря***

Вот от моря и до моря  
Нить железная скользит,  
Много славы, много горя  
Эта нить порой гласит.

И, за ней следя глазами,  
Путник видит, как порой  
Птицы вещие садятся  
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный  
Прилетел и сел на ней,  
Сел и каркнул и крылами  
Замахал он веселей.

И кричит он, и ликует,  
И кружится всё над ней:  
Уж не кровь ли ворон чует  
Севастопольских вестей?

*13 августа 1855*

*Проникнуто мрачными предчувствиями, вызванными осадой Севастополя. Нить железная – телеграфная*

*проволока.*

\* \* \*

## **О вещая душа моя**

О вещая душа моя,  
О сердце, полное тревоги, —  
О, как ты бьешься на пороге  
Как бы двойного бытия!..

Так ты – жилица двух миров,  
Твой день – болезненный и страстный,  
Твой сон – пророчески-неясный,  
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь  
Волнуют страсти роковые —  
Душа готова, как Мария,  
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

*Вещая душа моя – выражение из «Слова о полку Игореве». Так ты – жилица двух миров... По-видимому, обращение к Е. А. Денисьевой. Страсти роковые – выражение из «Цыган» Пушкина. Мария – сестра Лазаря, которая, по Библии, припала к ногам Христа, прося о воскрешении умершего брата (Иоанн, 11.32). Она слушала слово Христа, сидя у ног его, в то*

*время как ее сестра Марфа «заботилась о большом угощении». Когда Марфа сказала Христу: «Господи!.. Скажи ей (Марии), чтобы помогла мне», тот ответил: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую участь, которая не отнимется у нее» (Лука, 10. 39-42). Именно этот эпизод имел в виду Тютчев, ибо его ст-ние также построено на противопоставлении мирской суеты святому делу души.*

# (ИЗ МИКЕЛАНДЖЕЛО)

## **Молчи, прошу, не смей меня будить**

Молчи, прошу, не смей меня будить.  
О, в этот век преступный и постыдный  
Не жить, не чувствовать – удел завидный.  
Отраднo спать, отрадней камнем быть.

1855

*Перевод четверостишия «Grato m'u 'l sonno, e piú  
l'esser di sasso...» (1545), являющегося ответом на  
стихи Д. Стрoцци, навеянные знаменитым изваянием  
Ночи на саркофаге Джулиано Медичи (в усыпальнице  
рода Медичи во Флоренции). Восхищенный гениальным  
творением Микеланджело, Стрoцци писал:*

*Ночь, что так сладко пред тобою спит,  
То ангелом одушевленный камень;  
Он недвижим, но в нем есть жизни пламень,  
Лишь разбуди – и он заговорит.*

*Переведенное в годы Крымской войны четверостишие  
Микеланджело поэт и позднее хранил в своей памяти.  
В одном из писем 1870 г. к А. Ф. Аксаковой,  
негодую на правящие круги России, он процитировал  
две строки из этого четверостишия, по-своему*

перифразировав их: «Есть стихи Микельанжело, где говорится следующее о том времени, когда он жил:  
*Mentre che il danno e la vergogna dura,  
Non sentir, non pensar u gran ventura,*  
что означает по-русски: пока глупцы царствуют и управляют, умные люди должны бы молчать».

# Н(ИКОЛАЮ) П(АВЛОВИЧУ)

## *Не Богу ты служил и не России*

Не Богу ты служил и не России,  
Служил лишь суете своей,  
И все дела твои, и добрые и злые, —  
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:  
Ты был не царь, а лицедей.

1855

*Эпиграмма-эпитафия Николаю I, умершему 18 февр. 1855 г. Написана, по всей вероятности, несколько позже, когда под впечатлением падения Севастополя Тютчев подверг особенно резкой критике личность и деятельность покойного самодержца. В письме к жене от 17 сент. 1855 г. он писал: «Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека...». Ты был не царь, а лицедей. Здесь речь идет скорее не о том, что Николай I участвовал в любительских спектаклях, а о его пристрастии разыгрывать перед подданными эффектные роли и его позерстве.*

\* \* \*

## ***Так, в жизни есть мгновения***

Так, в жизни есть мгновения  
Их трудно передать,  
Они самозабвения  
Земного благодать.  
Шумят верхи древесные  
Высоко надо мной,  
И птицы лишь небесные  
Беседуют со мной.  
Всё пошрое и ложное  
Ушло так далеко,  
Всё мило-невозможное  
Так близко и легко.  
И любо мне, и сладко мне,  
И мир в моей груди,  
Дремотою обвеян я —  
О время, погоди!

1855?

\* \* \*

## ***Все, что сберець мне удалось***

Все, что сберець мне удалось,  
Надежды веры и любви,  
В одну молитву всё слилось:  
Переживи, переживи!

*8 апреля 1856*

*Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой в день ее рождения.*

# Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

## ***Вполне понятно мне значенье***

Вполне понятно мне значенье  
Твоей болезненной мечты,  
Твоя борьба, твоё стремленье,  
Твое тревожное служенье  
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою  
Забывшись сном среди степей,  
Под скифской вьюгой снеговою  
Свободой бредил золотою  
И небом Греции своей.

*4 февраля 1857*

*В лирике Николая Федоровича Щербины (1821 – 1869)  
преобладали античные темы и мотивы.*

\* \* \*

## ***Над этой темною толпой***

Над этой темною толпой  
Непробужденного народа  
Взойдешь ли ты когда, Свобода,  
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит  
И сон разгонит и туманы...  
Но старые, гнилые раны,  
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,  
Что гложет ум и в сердце ноет,-  
Кто их излечит, кто прикроет?..  
Ты, риза чистая Христа...

*15 августа 1857*

*Написано в церковный праздник Успенья, на котором  
Тютчев присутствовал в Овстуге летом 1857 г.  
Замысел ст-ния подсказан предстоящей крестьянской  
реформой.*

\* \* \*

## ***Есть в осени первоначальной***

Есть в осени первоначальной  
Короткая, но дивная пора —  
Весь день стоит как бы хрустальный,  
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,  
Теперь уж пусто всё – простор везде,  
Лишь паутины тонкий волос  
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,  
Но далеко еще до первых зимних бурь —  
И льется чистая и теплая лазурь  
На отдыхающее поле...

*22 августа 1857*

\* \* \*

## ***Смотри, как роща зеленеет***

Смотри, как роща зеленеет,  
Палящим солнцем облита,  
А в ней – какую негой веет  
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями  
Дерев, поимых родником, —  
Там, где, обвеянный их мглами,  
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,  
В полдневный зной погружены,  
И лишь порою крик орлиный  
До нас доходит с вышины...

*Конец августа 1857*

\* \* \*

## ***В часы, когда бывает***

В часы, когда бывает  
Так тяжко на груди,  
И сердце изнывает,  
И тьма лишь впереди;

Без сил и без движенья,  
Мы так удручены,  
Что даже утешенья  
Друзей нам не смешны, —

Вдруг солнца луч приветный  
Войдет украдкой к нам  
И брызнет огнецветной  
Струею по стенам:

И с тверди благосклонной,  
С лазуревых высот  
Вдруг воздух благовонный  
В окно на нас пахнет...

Уроков и советов  
Они нам не несут,  
И от судьбы наветов

Они нас не спасут.

Но силу их мы чуем,  
Их слышим благодать,  
И меньше мы тоскуем,  
И легче нам дышать...

Так мило-благодатна,  
Воздушна и светла  
Душе моей стократно  
Любовь твоя была.

1858

*Посвящено памяти Эл. Ф. Тютчевой, первой жены поэта. Написано в 20-й год со дня ее смерти.*

\* \* \*

## *Она сидела на полу*

Она сидела на полу  
И груди писем разбирала —  
И, как остывшую золу,  
Брала их в руки и бросала —

Брала знакомые листы  
И чудно так на них глядела —  
Как души смотрят с высоты  
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут;  
Невозвратно-пережитой!  
О, сколько горестных минут,  
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне  
И пасть готов был на колени, —  
И страшно-грустно стало мне,  
Как от присущей милой тени.

1858

*По семейным преданиям Тютчевых, в ст-нии имеется в виду Эрн. Ф. Тютчева, уничтожившая свою*

*переписку с Тютчевым, относящуюся к первым годам их знакомства. Присущая (церк.-слав.) – здесь: присутствующая.*

\* \* \*

## *Осенней позднею порою*

Осенней позднею порою  
Люблю я царскосельский сад,  
Когда он тихой полумглою,  
Как бы дремотою, объят  
И белокрылые виденья  
На тусклом озера стекле  
В какой-то неге онеменья  
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени  
Екатерининских дворцов  
Ложатся сумрачные тени  
Октябрьских ранних вечеров —  
И сад темнеет, как дуброва,  
И при звездах из тьмы ночной,  
Как отблеск славного былого,  
Выходит купол золотой...

*22 октября 1858*

*Белокрылые виденья – белые лебеди царскосельских прудов, воспетые в стихах многих русских поэтов.*

# НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

## *Грустный вид и грустный час*

1

Грустный вид и грустный час —  
Дальний путь торопит нас...  
Вот, как призрак гробовой,  
Месяц встал – и из тумана  
Осветил безлюдный край...  
Путь далек – не унывай...

Ах, и в этот самый час,  
Там, где нет теперь уж нас,  
Тот же месяц, но живой,  
Дышит в зеркале Лемана...  
Чудный вид и чудный край —  
Путь далек – не вспоминай...

2

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом  
Огромной тучи снеговой  
Синеет даль – с ее угрюмым лесом,  
Окутанным осенней мглой...  
Всё голо так – и пусто-необъятно

В однообразии немом...  
Местами лишь просвечивают пятна  
Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —  
Жизнь отошла – и, покорясь судьбе,  
В каком-то забытии изнеможенья,  
Здесь человек лишь снится сам себе.  
Как свет дневной, его тускнеют взоры,  
Не верит он, хоть видел их вчера,  
Что есть края, где радужные горы  
В лазурные глядятся озера...

*Конец октября 1859*

*Написано по дороге из Кенигсберга в Петербург.  
Леман – Женевское озеро.*

# ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО

## *На небе месяц – и ночная*

На небе месяц – и ночная  
Еще не тронулася тень,  
Царит себе, не сознавая,  
Что вот уж встрепенулся день, —

Что хоть лениво и несмело  
Луч возникает за лучом,  
А небо так еще всецело  
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех мгновений,  
Ночь испарится над землей,  
И в полном блеске проявлений  
Вдруг нас охватит мир дневной...

Декабрь 1859

\* \* \*

## ***Хоть я и свил гнездо в долине***

Хоть я и свил гнездо в долине,  
Но чувствую порой и я,  
Как животворно на вершине  
Бежит воздушная струя, —  
Как рвется из густого слоя,  
Как жаждет горних наша грудь,  
Как всё удушливо-земное  
Она хотела б оттолкнуть!

На недоступные громады  
Смотрю по целым я часам, —  
Какие росы и прохлады  
Оттуда с шумом льются к нам!  
Вдруг просветлеют огнецветно  
Их непорочные снега:  
По ним проходит незаметно  
Небесных ангелов нога...

*Октябрь 1860*

\* \* \*

## ***Я знал ее еще тогда***

Я знал ее еще тогда,  
В те баснословные года,  
Как перед утренним лучом  
Первоначальных дней звезда  
Уж тонет в небе голубом...

И всё еще была она  
Той свежей прелести полна,  
Той дорассветной темноты,  
Когда, незрима, неслышна,  
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была  
Так совершенна, так цела  
И так среде земной чужда,  
Что, мнится, и она ушла  
И скрылась в небе, как звезда.

*27 марта 1861*

*О ком идет речь в ст-нии, не установлено.*

\* \* \*

## ***Утихла биза... Легче дышит***

Утихла биза... Легче дышит  
Лазурный сонм женевских вод —  
И лодка вновь по ним плывет,  
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет,  
Деревья блещут пестротой,  
И воздух ласковой волной  
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,  
Разоблаченная с утра,  
Сияет Белая гора,  
Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы всё забыло,  
Забыло б муку всю свою,  
Когда бы там – в родном краю —  
Одной могилой меньше было...

*11 октября 1864*

*Написано в Женеве. Биза – местное название сев. ветра, дующего на Женевском озере. Белая гора –*

*Монблан (буквальный перевод слова Montblanc). Одной могилой меньше было. Имеется в виду могила Е. А. Денисьевой на Волковом кладбище в Петербурге.*

\* \* \*

## **Весь день она лежала в забытьи**

Весь день она лежала в забытьи,  
И всю ее уж тени покрывали.  
Лил теплый летний дождь – его струи  
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,  
И начала прислушиваться к шуму,  
И долго слушала – увлечена,  
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,  
Сознательно проговорила  
(Я был при ней, убитый, но живой):  
«О, как всё это я любила!»

.....

Любила ты, и так, как ты, любить —  
Нет, никому еще не удавалось!  
О Господи!.. и это пережить...  
И сердце на клочки не разорвалось...

*Октябрь или первая половина декабря 1864*

*В ст-нии поэт вспоминает о последних часах жизни Е.*

*А. Денисьевой. Написано в Ницце.*

\* \* \*

## ***О, этот Юг, о, эта Ницца!..***

О, этот Юг, о, эта Ницца!..  
О, как их блеск меня тревожит!  
Жизнь, как подстреленная птица,  
Подняться хочет – и не может...

Нет ни полета, ни размаху —  
Висят поломанные крылья,  
И вся она, прижавшись к праху,  
Дрожит от боли и бессилья...

21 ноября 1864

*Ст-ние отражает подавленное состояние, в котором поэт находился после смерти Е. А. Денисьевой. Покинув Ниццу весной 1865 г., он писал дочери Анне: «Странную роль сыграла Италия в моей жизни... Дважды являлась она передо мной, как роковое видение, после двух самых великих скорбен, какие мне суждено было испытать... Есть страны, где носят траур ярких цветов. По-видимому, это мой удел...». Первая «великая скорбь», пережитая Тютчевым, была вызвана смертью его первой жены, Элеоноры.*

\* \* \*

## **Когда на то нет Божьего согласия**

Когда на то нет Божьего согласия,  
Как ни страдай она, любя, —  
Душа, увы, не выстрадает счастья,  
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело  
Одной заветной отдалась любви  
И ей одной дышала и болела,  
Господь тебя благослови!

Он, милосердный, всемогущий,  
Он, греющий своим лучом  
И пышный цвет, на воздухе цветущий,  
И чистый перл на дне морском.

11 января 1865

*В автографе перед текстом помета: «Из Ниццы в Сими, 11/23 января 1865». Ст-ние было подарено поэтом дочери Дарье со следующей припиской в автографе: «Моя милая дочь, храни это на память о нашей вчерашней прогулке и разговоре, но не*

*показывай никому... Пусть это будет иметь значение лишь для нас двоих... Обнимаю и благословляю тебя от всего сердца. Ф. Т.». Из содержания стихотворения вытекает, что темой разговора поэта с дочерью были переживания его в связи со смертью Е. А. Денисьевой. Вместе с тем стихотворение имеет прямое отношение и к Д. Ф. Тютчеву. Со строфой 1 следует сопоставить строки из письма поэта к Дарье от 8 сент. 1864 г., написанного через месяц после смерти Е. А. Денисьевой: «...если бы что и могло меня подбодрить, создать мне по крайней мере видимость жизни, так это сберечь себя для тебя, посвятить себя тебе, мое бедное, милое дитя, – тебе, столь любящей и столь одинокой, внешне столь мало рассудительной и столь глубоко искренней, – тебе, кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви, которая у тебя, мое бедное дитя, осталась неутоленной».*

\* \* \*

## ***Как хорошо ты, о море ночное***

Как хорошо ты, о море ночное, —  
Здесь лучезарно, там сизо-темно...  
В лунном сиянии, словно живое,  
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе  
Блеск и движенье, грохот и гром...  
Тусклым сияньем облитое море,  
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,  
Чей это праздник так празднуешь ты?  
Волны несутся, гремя и сверкая,  
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,  
Весь, как во сне, я потерян стою —  
О, как охотно бы в их обаянье  
Всю потопил бы я душу свою...

*Январь 1865*

\* \* \*

## ***Есть и в моем страдальческом застое***

Есть и в моем страдальческом застое  
Часы и дни ужаснее других...  
Их тяжкий гнет, их бремя роковое  
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг всё замрет. Слезам и умиленью  
Нет доступа, всё пусто и темно,  
Минувшее не веет легкой тенью,  
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,  
Но без любви, без солнечных лучей,  
Такой же мир бездушный и бесстрастный,  
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,  
Хочу сознать себя и не могу —  
Разбитый челн, брошенный волною,  
На безымянном диком берегу.

О Господи, дай жгучего страданья

И мертвенность души моей рассей:  
Ты взял ее, но муку вспоминанья,  
Живую муку мне оставь по ней, —

По ней, по ней, свой подвиг совершившей  
Весь до конца в отчаянной борьбе,  
Так пламенно, так горячо любившей  
Наперекор и людям и судьбе, —

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,  
Но и себя не давшей победить,  
По ней, по ней, так до конца умевшей  
Страдать, молиться, верить и любить.

*Конец марта 1865*

*В ст-нии поэт вспоминает о Е. А. Денисьевой.*

\* \* \*

## **Певучесть есть в морских волнах**

*Est in arundineis modulatio musica ripis.*

Певучесть есть в морских волнах,  
Гармония в стихийных спорах,  
И стройный мусикийский шорох  
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,  
Созвучье полное в природе, —  
Лишь в нашей призрачной свободе  
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?  
И отчего же в общем хоре  
Душа не то поет, что море,  
И ропщет мыслящий тростник?

И от земли до крайних звезд  
Всё безответен и поныне  
Глас вопиющего в пустыне,  
Души отчаянной протест?

11 мая 1865

*Est in arundineis modulatio musica ripis. Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках (лат.). Музикийский – музыкальный. Мыслящий тростник – образ, восходящий к известному афоризму Б. Паскаля, французского философа, писателя, математика (из его «Мыслей»): «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но это тростинка мыслящая». Глас вопиющего в пустыне – библейское выражение (кн. пророка Исаяи, 40.3), процитированное во всех четырех евангелиях и ставшее идиомой.*

\* \* \*

## **Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло**

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло  
С того блаженно-рокового дня,  
Как душу всю свою она вдохнула,  
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,  
Утратив всё, приветствую судьбу...  
Быть до конца так страшно одиноку,  
Как буду одинок в своем гробу.

*15 июля 1865*

*Обращено, по всей вероятности, к близкому другу  
поэта А. И. Георгиевскому (1829 – 1911), мужу сестры  
Е. А. Денисьевой Марии.*

\* \* \*

## ***Молчит сомнительно Восток***

Молчит сомнительно Восток,  
Повсюду чуткое молчанье...  
Что это? Сон иль ожиданье,  
И близок день или далека?

Чуть-чуть белеет темя гор,  
Еще в тумане лес и доли,  
Спят города и дремлют селы,  
Но к небу подымите взор...

Смотрите: полоса видна,  
И, словно скрытной страстью рдея,  
Она всё ярче, всё живее —  
Вся разгорается она —  
Еще минута, и во всей  
Неизмеримости эфирной  
Раздастся благовест всемирный  
Победных солнечных лучей...

*29 июля 1865*

*Ст-ние в аллегорической форме выражает мечты поэта о политическом и национальном возрождении восточных славян. Вместе с тем, по верному*

*замечанию И. С. Аксакова, «образ сам по себе так самостоятельно хорош, что очевидно, если не перевесил аллегорию в душе поэта, то не подчинился ей, а вылился свободно и независимо».*

# НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги  
В тихом свете гаснущего дня...  
Тяжело мне, замирают ноги...  
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землею —  
Улетел последний отблеск дня...  
Вот тот мир, где жили мы с тобою,  
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,  
Завтра память рокового дня...  
Ангел мой, где б души ни витали,  
Ангел мой, ты видишь ли меня?

*3 августа 1865*

*Написано накануне первой годовщины смерти Е. А.  
Денисьевой.*

\* \* \*

## ***Как неожиданно и ярко***

Как неожиданно и ярко,  
На влажной неба синеве,  
Воздушная воздвиглась арка  
В своем минутном торжестве!  
Один конец в леса вонзила,  
Другим за облака ушла —  
Она полнеба обхватила  
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье  
Какая нега для очей!  
Оно дано нам на мгновенье,  
Лови его – лови скорей!  
Смотри – оно уж побледнело,  
Еще минута, две – и что ж?  
Ушло, как то уйдет всецело,  
Чем ты и дышишь и живешь.

*5 августа 1865*

\* \* \*

## ***Ночное небо так угрюмо***

Ночное небо так угрюмо,  
Заволокло со всех сторон.  
То не угроза и не дума,  
То вялый, безотрадный сон.  
Одни зарницы огневые,  
Воспламеняясь чередой,  
Как демоны глухонемые,  
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,  
Вдруг неба вспыхнет полоса,  
И быстро выступят из мраку  
Поля и дальние леса.  
И вот опять всё потемнело,  
Всё стихло в чуткой темноте —  
Как бы таинственное дело  
Решалось там – на высоте.

*18 августа 1865*

\* \* \*

## ***Нет дня, чтобы душа не ныла***

Нет дня, чтобы душа не ныла,  
Не изнывала б о былом,  
Искала слов, не находила,  
И сохла, сохла с каждым днем, —

Как тот, кто жгучею тоскою  
Томился по краю родном  
И вдруг узнал бы, что волною  
Он схоронен на дне морском.

*23 ноября 1865*

*Написано поэтом в день своего рождения и связано с воспоминанием о Е. А. Денисьевой.*

\* \* \*

## ***Тихо в озере струится***

Тихо в озере струится  
Отблеск кровель золотых,  
Много в озеро глядится  
Достославностей былых.  
Жизнь играет, солнце греет,  
Но под нею и под ним  
Здесь бывшее чудно веет  
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,  
Блещут озера струи...  
Здесь великое бывшее  
Словно дышит в забытыи;  
Дремлет сладко-беззаботно,  
Не смущая дивных снов  
И тревогой мимолетной  
Лебединых голосов....

*Июль 1866*

*В письме к жене от 31 июля 1866 г, из Царского Села, о котором идет речь в ст-нии, Тютчев писал: «В течение нескольких дней стоит довольно хорошая погода, и, когда солнце пригревает и небо ясно,*

*царскосельские сады в самом деле очень красивы. Чувствуешь себя погруженным в более изысканную стихию: это прелестно и величественно в одно и то же время». Датируется по связи с этим письмом.*

\* \* \*

## *Когда дряхлеющие силы*

Когда дряхлеющие силы  
Нам начинают изменять  
И мы должны, как старожилы,  
Пришельцам новым место дать, —

Спаси тогда нас, добрый гений,  
От малодушных укоризн,  
От клеветы, от озлоблений  
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости  
На обновляющийся мир,  
Где новые садятся гости  
За уготованный им пир;

От желчи горького сознания,  
Что нас поток уж не несет  
И что другие есть призванья,  
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем зазорней,  
Чем глубже крылось с давних пор,  
И старческой любви позорней

## Сварливый старческий задор.

*Начало сентября 1866*

*Непосредственным поводом к написанию стихотворения послужили сатирические стихотворения Вяземского «Воспоминания из Буало» и «Хлестаков», направленные против М. Н. Каткова (1818 – 1887), редактора Русского Вестника и Московских Ведомостей. Несмотря на консервативность тогдашних политических убеждений Вяземского, ему претил откровенный национализм Каткова и его манера поучать правительство. Тютчев в то время был близок к редакции РВ и МВ, членом которой состоял его друг А. И. Георгиевский. Данное стихотворение, написанное как бы в защиту Каткова, было послано Тютчевым Георгиевскому при письме от 3 сент. 1866 г. для публикации в РВ, где оно не было напечатано. Стихотворение является очень острой, хотя и косвенной характеристикой Вяземского в его отношении к молодым поколениям вообще. Нечто подобное писал Тютчев о Вяземском, прослушав однажды его статью по поводу «Войны и мира» Л. Н. Толстого: «...натуры столь колючие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем для малоисследованной страны является враждебно настроенный и предубежденный посетитель-иностранец» (письмо к Е. Ф. Тютчевой от 3 янв. 1869 г.).*

\* \* \*

## ***Умом Россию не понять***

Умом Россию не понять,  
Аршином общим не измерить:  
У ней особенная статья —  
В Россию можно только верить.

*28 ноября 1866*

\* \* \*

## **Как ни тяжел последний час**

Как ни тяжел последний час —  
Та непонятная для нас  
Истома смертного страданья, —  
Но для души еще страшной  
Следить, как вымирают в ней  
Все лучшие воспоминанья...

*14 октября 1867*

*Написано 14 окт. 1867 г. во время заседания Совета Главного управления по делам печати. Присутствовавший на заседании писатель и редактор «Правительственного вестника» П. И. Капнист заметил, что Тютчев «был весьма рассеян и что-то рисовал или писал на листе бумаги, лежавшей перед ним на столе. После заседания он ушел в раздумье, оставив бумагу». Экспромт был взят Капнистом «на память о любимом им поэте». Этот листок с автографом и рисунком поэта обнаружен недавно Р. Лэйном.*

\* \* \*

## ***Опять стою я над Невой***

Опять стою я над Невой,  
И снова, как в былые годы,  
Смотрю и я, как бы живой,  
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,  
Все стихло в бледном обаянье,  
Лишь по задумчивой Неве  
Струится лунное сиянье.

Во сне ль всё это снится мне,  
Или гляжу я в самом деле,  
На что при этой же луне  
С тобой живые мы глядели?

*Июнь 1868*

*В последней строфе – воспоминание о Е. А. Денисьевой.*

# ПОЖАРЫ

Широко, необозримо,  
Грозной тучею сплошной,  
Дым за дымом, бездна дыма  
Тяготеет над землей.

Мертвый стелется кустарник,  
Травы тлятся, не горят,  
И сквозит на крае неба  
Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном  
Нет ни искры, дым один, —  
Где ж огонь, злой истребитель,  
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,  
Словно красный зверь какой,  
Пробираясь меж кустами,  
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,  
Дым сольется с темнотой,  
Он потешными огнями  
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой  
Молча, руки опустя,  
Человек стоит уныло —  
Беспомощное дитя.

*16 июля 1868*

*Навеяно зрелищем лесных пожаров под Петербургом  
летом 1868 г.*

\* \* \*

## ***В небе тают облака***

В небе тают облака,  
И, лучистая на зное,  
В искрах катится река,  
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,  
Тень ушла к немym дубровам,  
И с белеющих полей  
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —  
Так же будут, в вечном строе,  
Течь и искриться река  
И поля дышать на зное.

*2 августа 1868*

\* \* \*

## ***Нам не дано предугадать***

Нам не дано предугадать,  
Как слово наше отзовется, —  
И нам сочувствие дается,  
Как нам дается благодать...

*27 февраля 1869*

\* \* \*

## ***Две силы есть – две роковые силы***

Две силы есть – две роковые силы,  
Всю жизнь свою у них мы под рукой,  
От колыбельных дней и до могилы, —  
Одна есть Смерть, другая – Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,  
И безответственны и тот и та,  
Пощады нет, протесты нетерпимы,  
Их приговор смыкает всем уста...

Но Смерть честней – чужда лицепрятью,  
Не тронута ничем, не смущена,  
Смиренную иль ропщущую братью —  
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья —  
Ревнивый властелин – не терпит он,  
Не косит сплошь, но лучшие колосья  
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей – увы, двойное горе, —

Той гордой силе, гордо-молодой,  
Вступающей с решимостью во взоре,  
С улыбкой на устах – в неравный бой.

Когда она, при роковом сознание  
Всех прав своих, с отвагой красоты,  
Бестрепетно, в каком-то обаянье  
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,  
И не дает принизиться челу,  
И с кудрей молодых, как пыль, свевает  
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей – и чем простосердечней,  
Тем кажется виновнее она...  
Таков уж свет: он там бесчеловечней,  
Где человечно-искренней вина.

\* \* \*

***Природа – сфинкс.  
И тем она верней***

Природа – сфинкс. И тем она верней  
Своим искусом губит человека,  
Что, может статься, никакой от века  
Загадки нет и не было у ней.

*Август 1869*

**К. Б.**

## ***Я встретил вас – и всё былое***

Я встретил вас – и всё былое  
В отжившем сердце ожило;  
Я вспомнил время золотое —  
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою  
Бывают дни, бывает час,  
Когда повеет вдруг весною  
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем  
Тех лет душевной полноты,  
С давно забытым упоеньем  
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки  
Гляжу на вас, как бы во сне, —  
И вот – слышнее стали звуки,  
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,  
Тут жизнь заговорила вновь, —  
И то же в вас очарованье,

И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1870

*Скорее всего, ст-ние обращено к сестре первой жены Тютчева Клотильде Ботмер (1809 – 1882), в замужестве Мальтиц, которая находилась в июле 1870 г. в городе Кезене под Наумбургом (в 120 км от Карлсбада) и с которой Тютчев мог встретиться между 21 и 26 июля, перед поездкой в Теплиц.*

\* \* \*

## ***Брат, столько лет сопутствовавший мне***

Брат, столько лет сопутствовавший мне,  
И ты ушел, куда мы все идем,  
И я теперь на голой вышине  
Стою один – и пусто всё кругом.

И долго ли стоять тут одному?  
День, год-другой – и пусто будет там,  
Где я теперь, смотря в ночную тьму  
И, что со мной, не сознавая сам...

Бесследно всё – и так легко не быть!  
При мне иль без меня – что нужды в том?  
Всё будет то ж – и вьюга так же выть,  
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,  
Живая жизнь давно уж позади,  
Передового нет, и я как есть  
На роковой стою очереди.

11 декабря 1870

*Брат – Николай Иванович Тютчев (1800 – 1870). Написано по дороге из Москвы в Петербург, куда Тютчев возвращался после похорон брата. По словам И. С. Аксакова, Н. И. Тютчев был, «можно сказать, единственным другом Федора Ивановича, у которого вне семьи было великое множество „друзей“, но между ними ни одного, с кем бы преимущественно перед прочими делился он всеми тайнами мысли и сердца, с кем бы состоял в отношениях исключительно тесной, душевной дружбы. Николай Иванович Тютчев любил брата не только с братскою, но с отцовскою нежностью, и ни с кем не был Федора Иванович так короток, так близко связан своею личною судьбой с самого детства».*

\* \* \*

# ***Впросонках слышу я – и не могу***

Впросонках слышу я – и не могу  
Вообразить такое сочетанье,  
А слышу свист полозьев на снегу  
И ласточки весенней щебетанье.

*Январь или февраль 1871*

\* \* \*

## ***От жизни той, что бушевала здесь***

От жизни той, что бушевала здесь,  
От крови той, что здесь рекой лилась,  
Что уцелело, что дошло до нас?  
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,  
Раскинувшись и широко и смело.  
Красуются, шумят, – и нет им дела,  
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,  
Ей чужды наши призрачные годы,  
И перед ней мы смутно сознаем  
Себя самих – лишь грезю природы.

Поочередно всех своих детей,  
Свершающих свой подвиг бесполезный,  
Она равно приветствует своей  
Всепоглощающей и миротворной бездной.

*17 августа 1871*

*Написано под впечатлением поездки в село Вщиж Брянского уезда Орловской губ., которое было некогда столицей удельного княжества и близ которого сохранились древние курганы, напоминающие о кровавых событиях истории села.*

(Э. Ф. ТЮТЧЕВОЙ)

## Всё отнял у меня казнящий Бог

Всё отнял у меня казнящий Бог:  
Здоровье, силу воли, воздух, сон,  
Одну тебя при мне оставил он,  
Чтоб я ему еще молиться мог.

*Февраль 1873*

*Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134).*